

Михаил Михеев

Т-34. КРЕПОСТЬ НА КОЛЕСАХ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Михаил Александрович Михеев
Т-34. Крепость на колесах
Серия «Военная фантастика (АСТ)»
Серия «Т-34», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51657479

Т-34. Крепость на колесах : роман / Михаил Михеев: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-122127-0

Аннотация

Если ты решил изменить мир, то удобнее всего это делать на танке. В смысле, ты на танке, а враг – под танком. Но, увы, не всегда под рукой есть подходящий инструмент, и тогда приходится импровизировать. И когда враг не видит перед собой гусеничного чудовища, легче ему от этого не станет. Сегодня немцам предстоит встреча с чудом советской инженерной мысли. На них надвигается крепость на колесах!

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

97

Михаил Михеев

Т-34. Крепость на колесах

*Прожектор шарит осторожно по пригорку,
И ночь от этого нам кажется темней.
Который месяц не снимал я гимнастерку,
Который месяц не расстегивал ремней.
Есть у меня в запасе гильза от снаряда,
В кисете вышитом душистый самосад.
Солдату лишнего имущества не надо,
Махнем не глядя, как на фронте говорят.*
М. Матусовский, В. Баснер. Песня из фильма «Щит и меч»

– Ну что, старшой, как жизнь?

– Мухам бы понравилось, – с легким, усталым раздражением в голосе отозвался Хромов. Разогнулся, слыша хруст в пояснице, вытер о лежащую тут же тряпку руки. Масло въедалось в кожу намертво, вызывая неприятные ассоциации, и жутко раздражало. – Не трави душу, Николай Васильевич, паршиво.

Громов ловко забрался на гусеницу, заглянул внутрь раскуроченного механиками двигателями, присвистнул.

– Да уж, весело. Придется двигатель снимать, а?

– Во-во. Сам знаешь, какой это геморрой...

И не поспоришь – действительно, геморрой. Сколько бы гадостей в будущем ни писали про Т-34, КВ и прочие со-

ветские танки, сколько б их ни ругали, порой вполне заслуженно, одного у них было не отнять. Конструкция, не самая надежная, особенно на первых сериях, обладала и серьезными достоинствами. К примеру, мелкую поломку отремонтировать можно было буквально «на коленке». Более серьезные проблемы, требующие извлечения двигателя, да и вообще практически любого узла, тоже не составляли особой сложности. Но здесь и сейчас...

Немецкая «тройка» – именно ее двигатель сегодня благополучно сдох – куда надежнее и удобнее продукции отечественного танкостроения, но уж если что-то навернулось, справиться с поломкой было ой как непросто. И даже тот факт, что имелась под рукой группа высококвалифицированных немецких техников, работающих не за совесть, а за страх, проблемы не снимал. В конце концов, люди не всемогущи, двумя пальцами многотонную дуру не поднимут. Стало быть, придется стоять, и, возможно, не один день. Ну а куда деваться? Бросать хороший, в общем-то, танк не просто неспортивно, но и чертовски нерационально. Особенно учитывая, что их, танков этих, после авантюры с аэродромом¹ осталось всего ничего.

Одно хорошо – можно в очередной раз повысить собственную квалификацию. Сергей никогда не считал себя безруким, но здесь и сейчас, вынужденно повозившись со всевозможной техникой, да еще и в компании профессиона-

¹ О событиях, предшествующих описываемым, см. роман «Т-34».

лов из тех, что в двадцать первом веке уже не делают, узнал очень много нужного и интересного. Когда вернется, если что не заладится, пойдет машины чинить. После здешнего практикума любой автосервис его с руками оторвет. Впрочем, не он один любознательный – когда немцы ремонтировали танки, к ним сбегалось посмотреть (и помочь) немало народу. Такой вот симбиоз.

– А чего сам-то полез? – хитро прищурился Громов и кивнул в сторону расположившихся поесть механиков. – Не доверяешь этим?

– Доверяй, но проверяй. Сам понимаешь...

– Да понимаю, чего уж там. Ладно, я здесь почему? Тебя командир зовет.

– Понял. Бегу и спотыкаюсь. Только умоюсь вначале. Эй, Ганс!

Старший из механиков подскочил, будто в него вставили пружину, и через секунду уже стоял перед ними, вытянувшись во фрунт.

– Как поедите, начинайте ремонт.

Немец только каблуками шелкнул. Вот чем они хороши, так это дисциплиной. Исполнительные, сволочи. Приказали им учить язык – и учат, причем со всем тщанием. Правда, говорят пока так себе. Что уж там, практически не говорят, но уже почти все понимают, что здорово облегчает окружающим жизнь. А то каждый раз звать их штатного переводчика... Ты этого умника Плахова еще найди попробуй. В об-

щем, немцы учили язык и делали успехи. Вот и сейчас – выслушал, принял приказ к исполнению и вернулся к своим. Можно не сомневаться – поедят и приступят. И работать будут качественно. Орднунг!²

Устроились они неплохо. Когда-то, еще до революции, здесь было нечто среднее между хутором и небольшой деревней. Домов пять-шесть, не больше. Потом вихрем пронеслась вначале Первая мировая, а потом Гражданская войны – и людей не стало. Дома обветшали и были частью разворованы, а частью просто брошены. С тех пор никого здесь, похоже, и не бывало – уж больно неудобно располагалось место. Вдали от больших дорог и любых поселений. В результате природа с легкостью отвоевала обратно места, которые с трудом освоил человек, но построенные из могучих бревен строения пока держались, и даже крыши почти не протекали. И глубокий колодец исправно поставлял воду – прозрачную, вкусную и такую холодную, что зубы ломило. Словом, место не идеальное, но весьма близкое к тому.

Вышли они сюда практически случайно – перед самой остановкой на дневку заклинил движок, и пришлось срочно искать отворотку, чтобы уйти с большой (по местным меркам, конечно) дороги. Нашли, взяли танк на буксир, а когда уже нырнули в лес, вернулись ушедшие вперед разведчики и доложили о находке. Вот и решили пройти еще пяток километров, чтоб расположиться с комфортом. В конце концов,

² Порядок (нем).

переборка двигателя дело не пяти минут, да и остальной технике требовалась профилактика. А раз так, остановиться в лесу, который не просматривается с самолета, но притом с относительным комфортом, показалось неплохой идеей.

А вообще, после безобразия, которое их бронегруппа учинила немцам, прошло уже две недели, и поиски обнаглевших русских до сих пор не закончились. По слухам, командование противника развернуло против наглецов целую дивизию, которая, вообще-то, направлялась на фронт, но вынуждена была задержаться. Во всяком случае, именно так утверждал пленный лейтенант, которого сдуру вынесло им навстречу. Это радовало – значит, куча людей при положенных им по штату танках и артиллерии вместо того, чтобы рвать дышащую на ладан оборону Красной армии, будет шарахаться по здешним лесам, пугая белок. А главное, делать это совершенно впустую – бронегруппа полковника Мартынова уже давно оторвалась от преследований, отправившись вместо логичных севера или востока на запад, в самый тыл немцев, где войск практически не было. В общем, неплохо поработали, есть за что похвалить себя, любимых. В первую очередь за то, что живы остались.

Мартынов сидел на толстом, потемневшем от времени, но совсем еще не гнилом бревне, валяющемся аккуратно возле стены огромного, солидного на вид дома, и с видимым наслаждением прихлебывал из кружки ароматный, крепкий до черноты чай. Это с кофе здесь были проблемы, а вот чай –

это что-то с чем-то. Избалованные пришельцы из будущего в своих супермаркетах такого и не встречали. Знали предки толк в этом напитке, чего уж...

– Звал, Александр Павлович?

– Было дело. Падай, – Мартынов звучно, как по африканскому барабану, хлопнул ладонью по импровизированному трону, – и присоединяйся.

– Пожрать – это мы можем, пожрать – это мы завсегда, – усмехнулся Хромов, садясь и принимаясь сооружать бутерброд. Местный хлеб был духовитый и вкусный, да и сало определенно стоило внимания. Особенно учитывая, что в последний раз он на скорую руку перекусывал часов пять назад, когда Игнатьев ненадолго подменил его за рычагами. Впился в получившийся шедевр военно-полевой кулинарии зубами и блаженно откинулся спиной на стену дома. – Эх, красота! Жизнь-то налаживается...

– Это как сказать, – Мартынов, прищурившись, посмотрел на солнце. Оно поднялось еще совсем невысоко и с трудом пробивалось через густые кроны берез. – Что там у тебя с машиной?

– С моей пока ничего вроде, а вот «тройку» или бросать, или на пару дней ремонта. Фрицы, во всяком случае, так говорят, и я им верю. Выбирай сам, что тебе ближе.

Мартынов кивнул задумчиво, отхлебнул чаю, покатал жидкость во рту, словно бы распробывая вкус. Потом вновь кивнул:

– Я так понимаю, остальной технике тоже ремонт не помешает?

Вопрос был риторическим. Гусеничная техника вообще и танки в частности имеют достаточно низкий, особенно по сравнению с колесными авто, ресурс. После же боев и устроенных следом гонок их желательно по косточкам перебирать. Именно это Хромов и озвучил. Мартынов снова кивнул:

– Ясно. Тогда так. Два часа на сон, а потом проведешь разведку... – как по мановению волшебной палочки в руках полковника материализовались аккуратно сложенная карта и отточенный чуть не до прозрачности карандаш, – ...вот здесь. Это единственный населенный пункт в округе, надо знать, что происходит. Если все в норме, остановимся здесь, займемся ремонтом и профилактикой. Да и раненым тряска не на пользу.

Это он верно подметил, совсем не на пользу. Капитан Очевидность, блин... И раненых чуть больше чем до хрена, и Светлана Александровна, единственный оставшийся у них врач, с ног уже сбилась. Конечно, привезенный Колобано-вым пенициллин творил чудеса, устраивая массовый геноцид непривычным к нему пока бактериям, но все равно лечение в дороге – это вам не полноценный госпиталь. Хорошо еще, организмы в этот период были крепкие – слабые-то умирали еще в младенчестве. Но все равно тяжело.

– Понял, товарищ полковник. Сделаю.

– А куда ж ты денешься... Кого с собой возьмешь? Гро-

мова?

– Нет, он здесь нужнее. Селиверстова возьму да Ильвеса. Они лоси здоровые, да и по лесу ходить умеют.

– Эстонца?

– И что с того?

– Ну, смотри, тебе виднее, – Мартынов спорить не соби-
рался. Считает Хромов, что курсанту можно доверять – зна-
чит, имеет на то основания. – Смотри только, чтобы он тебя
плохому не научил. А то начнешь слова растягивать...

– В хорошей компании и деградировать приятно, – отве-
тил Сергей на шутку юмором.

Полковник улыбнулся:

– Ладно... Может, еще кого возьмешь?

– А кого? Пегаса, что ли?

Нет, ну, в самом деле – кого? Хинштейн, после того, как
его обожгло, так до конца и не восстановился еще. Вроде все
в норме, но кожа на ногах чересчур нежная, марш-броска
долгого не выдержит. Да и уставать после этого их снайпер
начал очень быстро. Игнатьев хоть и в хорошей форме, но
возраст сказывается... Так что выбор и в самом деле невели-
к – те, в ком уверен, из местных. А они – тоже всякие. Тот
же Пегас – это в их отряде имя нарицательное, причем дав-
но. У парня фамилия Конь, а он вдобавок ухитряется падать
с любой мало-мальски заметной высоты. Как это у него по-
лучается? Да хрен его знает. Просто если видишь бревно, а
рядом Коня, значит, сейчас он грохнется. Ну а народ здесь

на язык острый и, кроме того, грамотный – постаралась советская власть, завела повсюду школы и библиотеки. Вот и прозвали человека Пегасом.

Очевидно, мысли в голове полковника крутились схожие. Во всяком случае, настаивать не стал, кивнул только спокойно:

– Тогда вперед! Но зря не рискуй. Понял? И бинокли возьми на всех, пригодятся.

– Так точно. Разрешите выполнять? – Хромов шутливо отдал честь.

– К пустой голове руку не прикладывают. Эх ты, чучело гражданское. Ладно, иди. Но вначале поспи, а то свалишься.

Сон и впрямь освежил, во всяком случае, марш-бросок через лес дался без особых проблем. Разве что добавил пару градусов к собственному комплексу неполноценности – Хромов всегда считал, что по лесу может ходить совсем неплохо и ориентируется вполне на уровне. Но как, скажите, остальные это делали вообще не задумываясь, с картой не сверяясь и компасом не пользуясь? Притом, что в этих местах они вообще ни разу не бывали! Вот так и приходишь к грустному выводу: компьютеры и общая эрудиция хорошо, а реальные навыки куда лучше. Во всяком случае, здесь и сейчас. И выглядят они после пробежки куда как лучше, чем начавший под конец задыхаться Хромов. Единственное оправдание – у него СВТ, а у парней куда более легкие немецкие

автоматы, но это так, мелкие нюансы. Себе не стоит врать – ты и с автоматом не сможешь бежать так же, как они, нет у тебя к этому привычки.

Ну и ладно, рефлексии потом, а сейчас главное – задание. По его скудному разумению, полковник не просто так решил проверить эти места. В конце концов, для трех-четырехдневной стоянки проверять городок в двадцати километрах от них смысла особого не имелось. Особенно экстренно проверять. Ну что там, спрашивается, может быть? Даже если немцы решили здесь обустроиться, то максимум рота не самой лучшей пехоты. Скорее даже, пара взводов под командованием какого-нибудь лейтенанта, слишком зачуханного для того, чтобы идти на острие атаки. Вывод простой – за три дня ничего им не грозит. Но вот в перспективе...

Задание у их тесного коллектива простое и, если вдуматься, совпадающее с нормальными устремлениями русского человека. Как можно сильнее изменить ход истории, пускай даже локально. Как это сделать? Если, конечно, отбросить всякие утопические идеи с прорывом к Сталину и открытием ему глаз на преимущества командирской башенки (последняя, конечно, на их Т-34 встала как влитая, но лично Хромову сверхважным преимуществом не казалась)? Выбор богатым не выглядел. По сути, и самого-то выбора не было, один-единственный вариант. Какой? Да все просто – накрошить фрицев по максимуму, причем желательно не серую скотинку, а полковников да генералов. И, как подозре-

вал Сергей, Мартынов намерен был обустроить в этом районе долговременную базу, благо трофейных запасов буквально всего – от сухарей до снарядов и бензина – имелось в избытке. Ну а уже опираясь на нее, можно было бы устраивать рейды куда душа пожелает, техники, хвала всем богам, тоже затрофеили немало. И в этом случае знание того, кто чем дышит в окрестностях, выглядело ой как необходимым.

До места они добрались не то чтобы совсем быстро, однако же и не задерживаясь. Часам к четырем вечера. И увиденное не стало каким-то откровением – с момента появления в этом мире и времени Сергей таких городков с населением в пару тысяч человек видел уже несколько штук. Отличия в деталях, а так – одно и то же. Разросшаяся до непомерных габаритов деревня, застроенная частными, в основном одно-двухэтажными домами с обязательными огородами. Всей разницы с местами, где Хромов провел детство, это обилие фруктовых деревьев. Все же родился Сергей в местах более холодных и, соответственно, на яблони бедных. Здесь же и груши, и вишня, и чего только нет. Пруд, в котором активно играла рыба, явно рукотворный. Во всяком случае, на берегу полуразвалившееся строение, в котором при минимуме фантазии легко угадывалась мельница. Наверное, под нее запруду и сделали. Словом, патриархальная идиллия.

А вот что Хромову не понравилось, так это отсутствие собак. Немецкие солдаты, уроды редкие, всех местных бобиков отстреливали сразу. Зачем? А хрен их, гадов, знает. Так

что собаки если и сохранились, то лишь те, которых хозяева успели загнать в дом. И о чем это говорит? Да о том, что или фрицы в городе, или как минимум побывали здесь. Неудивительно, в общем, но все равно хотелось надеяться на лучшее.

С другой стороны, во всем плохом следовало искать хорошее. К примеру, то, что в сумерках (а они наступят уже скоро) садами можно пройти, оставшись незамеченными. Если там собака – не пройдешь, не укусит, так облает, а сейчас – запросто. Главное, соблюдать осторожность и не нагнать. Да и народу на улицах немного, по домам наверняка сидят, чтобы лихого не будить. Стало быть, ночью их вообще не станет, надо лишь не торопиться. Разведка – удел терпеливых. Поэтому разведчики, уютно расположившись между деревьями, принялись выжидать, заодно подкрепляя силы чем бог послал и наблюдая за городом.

Бог и интендант, пророк его, послал немало. Без особых разносолов, конечно, однако с голоду точно не умрешь. Тушенка, сало, хлеб... Самым приятным был чай в трофейном термосе – разводить костер чревато, есть всухомятку или запивая обычной водой тоже не особенно приятно, а чай пошел «на ура». И хотя после этого потянуло в сон, Хромов вооружился биноклем и продолжил осматривать город – мало ли что.

Центр города, кстати, был уже порядком облагорожен цивилизацией. Во всяком случае, несколько кирпичных домов

наблюдалось. Четыре этажа – небоскребы, блин... И уж совсем подпирали небо, доминируя над местностью, пожарная каланча и водонапорная башня. Учитывая, что жители обходились колодцами, само ее наличие говорило о железной дороге, которой на карте, кстати, не было.

Ну, карта картой, а железка железкой. После тщательного обзора местности обнаружилась довольно убогая узкоколейка и замерший у самого леса паровоз, с такого расстояния кажущийся игрушечным. И вагоны – очень похоже, здесь занимались лесозаготовкой, вот и построили нечто для внутреннего пользования. Бывает. Кстати, здоровенные кирпичные сараи, к которым узкоколейка, собственно, и была проведена, это или склады, или распилочные цеха. Все сходится. Успокоившись на этом, Сергей продолжил наблюдение и достаточно быстро вычленил центральную площадь, довольно обширную, кстати. Вокруг несколько домишек и нечто внушительное, скорее всего, используемое местной администрацией.

На здании, от которого прямо тянуло старинным купеческим духом, развевался флаг. Хромов присмотрелся – ну да, немецкий, а как ты хотел... Тут же, буквально в сотне метров, обнаружилась школа – такая, как любят показывать в старых фильмах, очень уютная на вид. Правда, вид этот сильно портили двое немецких солдат, лениво кутивших во дворе, и немецкий же грузовик. Стоял он, кстати, так, что со стороны особо и не увидишь. Если б не искал целенаправ-

ленно, да не знал изначально, где немцы предпочитают квартировать, хрен бы рассмотрел.

Чуть в стороне обнаружилась полевая кухня, но ею, скорее всего, не пользовались. Все правильно, смысла нет. Проще воспользоваться правом победителя и реквизировать у местных, что сочтешь нужным. Сергей на месте фрицев так и поступил бы, а думать, что опытные вояки, прошедшие всю Европу, меньше разбираются в жизненных реалиях, глупо. Ага, а вот, чуть в стороне, возле колодца, какая-то баба за ними убирает. Все правильно, самое лучшее средство для мытья посуды – это, конечно, женщина. Ладно, теперь, в принципе, даже можно и не лезть в город, основное и так ясно.

Увы, благими намерениями выстлана дорога в ад. Не прошло и получаса, как со стороны дороги раздался шум моторов и появились два грузовика. Двигались они вроде бы и неторопливо, километров сорок в час от силы, но прыгали на колдобинах так, что Хромов даже посочувствовал их пассажирам. Вот так покатаешься – и сначала геморрой испуганно выпрыгнет, а потом и позвоночник в трусы осыплется. Железные люди здесь шоферы!

Грузовики пронеслись, если можно так обозвать их черепаший темп, по узким улицам и лихо затормозили на площади. Из кузовов выбрались солдаты – немного, человек десять, а открытую кабину головной машины украшал своим обликом какой-то офицер. Появление их ажиотажа первоначально не вызвало, однако уже через пару минут вокруг

закипела жизнь. Очень похоже, все же какое-то начальство, облеченное властью, но притом не особо крупное. Генералы на грузовиках не ездят.

Еще через несколько минут суeta на площади улеглась, зато началась в окрестностях. А вот что там происходило, понять никак не выходило – сады, которые, в теории, должны были скрывать их продвижение ночью, сейчас мешали рассмотреть происходящее в городе. Вместо целостной картин-ки выходили какие-то куски мозаики, плохо связанные между собой. И следующий час ясности не добавил, хотя, откровенно говоря, вряд ли это касалось разведчиков напрямую.

– Командир, глянь-ка, – Селиверстов, бесшумно подкравшись, от чего Хромов едва не подпрыгнул из положения «лежа», тряхнул его за плечо и указал влево. – Да не туда, на пруд смотри, на камыши.

Вначале Сергей ничего не увидел, однако потом его внимание привлекло короткое нездоровое шевеление. Ага! Вот и его источник. Люди, разумеется, сколько – непонятно, однако по виду местные. Оружия не видать, хотя это еще ни о чем не говорит. Что же, есть возможность расспросить, авось пригодится. Хромов прикинул – метров двести, может, чуть больше. Подойти незаметно вполне можно. Правда, для скрытности придется делать небольшую петлю, но зато от леса до края пруда метров пятнадцать от силы. Нормально.

– Пошли, – он встал, забросил на плечо СВТ. – И тихо мне!

О последнем, кстати, мог и не предупредить – самым громким в группе был он сам. Десять минут неспешным шагом – и вот они, камышовые сидельцы, как на ладони. С этого ракурса видно их неплохо. Видать, не ожидают, что кто-то может подойти сзади. Что же, тем лучше – задача упрощается. Человек восемь... Ну да, восемь. Мужчин всего трое, причем взрослый только один, остальные пацанята лет десяти-двенадцати на вид. Оружия по-прежнему не наблюдается. Отлично.

На лес они не смотрели и, соответственно, не видели, как разведчики, укрываясь в высокой траве, ужами подползли к беглецам. Разве что старший в последний момент то ли услышал что-то, то ли почуял посторонний взгляд, развернулся – и уперся лицом в ствол автомата. Ильвес держал его с таким зверским выражением лица, что можно было не сомневаться – пальнет не раздумывая. Хотя как раз этого делать курсант и не собирался, да и остальные тоже. Все же выстрелы немцы услышат, к бабке не ходи. Но вот стоящим под прицелом об этом знать было пока не нужно.

– Хальт! Хенде хох! Руки поднял, кому говорю!

Мужик последовал доброму совету, не рискуя качать права. В войну их всегда больше у тех, кто при оружии. Хромов, глядя на это, кивнул:

– Кто такие?

– Я... Это...

– Короче, живете здесь?

– Д-да...

– Ясно. Тогда слушай мою команду. Ползком к лесу! И не дай бог кто-то голову подымет!

Стремительная ретирада прошла без эксцессов. Все же немцы контролировали разве что город, да и то больше формально. За обстановкой вокруг непуганные толком фрицы особо не следили. Что же, тем лучше. Во всяком случае, информацию можно было теперь получить из первых рук, и она, откровенно говоря, не радовала.

Полчаса спустя они знали более чем достаточно, и, хотя напрямую их происходящее не касалось, приятного все равно было мало. Фрицы, как оказалось, приехали брать заложников. А может, расстреливать, кто их знает. Один из пацанов неплохо понимал по-немецки, видать, талант врожденный да учитель в школе был неплохой. Вместе со сверстниками он крутился у площади – пацанам всегда интересно, что и как происходит, особенно если это связано с военной техникой. Ну и услышал кое-что.

В общем, была чередa нападений на немецких солдат. Вряд ли это относилось к группе Мартынова – полковник, как ни крути, вел своих ночью, да и от активности приказал воздерживаться, дабы не демаскировать себя раньше времени. Однако же как показала нынешняя ситуация, любителей поохотиться на оккупантов хватало и без них. Немцы же народ сентиментальный, но рациональный, пошли по самому простому варианту противодействия – взять заложников

из местных, а потом за каждого убитого солдата сколько-то расстреливать. Не бесспорное, но логичное решение, требующее минимальных затрат. Этичным же отношением к побежденным немцы никогда не отличались.

Мальчишка, услышав это, проявил несвойственную возрасту смекалку. Тут же объяснил расклады товарищам – и дунули они по домам, родных предупредить. Что, где, у кого и как дальше сложилось – хрен знает, но конкретно эта семья успела бежать и скрыться в камышах. Ну а там их, соответственно, Селиверстов и засек. Почему в лес не бросились? А вначале одна из женщин впопыхах ногу подвернула, потом же адреналиновая волна схлынула и стало просто страшно. Вот и спрятались, куда ж деваться.

Слушая рассказ, Хромов продолжал наблюдать за городом и все более убеждался, что говорят ему правду. Во всяком случае, как выволакивают и сгоняют на площадь людей, было видно совсем неплохо. Пинками, кулаками, прикладами, без разделения на пол и возраст. И с энтузиазмом непомерным...

Вот так вот. Менее всего Сергей ожидал увидеть подобное зрелище. Во всех учебниках, в любой литературе писалось, что зверства учиняли эсэсовцы. Типа эти на голову сдвинутые на идеях фюрера молодые уроды на геноциде населения специализировались. Мол, вермахт героически сражался, а вот эсэс...

Нет, он знал, что эсэсовцы тоже воевали, и воевали хо-

рошо, умело и храбро. Тоже читал. Но к нынешним раскладам данное обстоятельство отношения не имело в принципе, потому как орлов в черной форме на горизонте не наблюдалось. И в их отсутствие «белые и пушистые зольдаты» в обычной полевой экипировке отнюдь не брезговали выполнить грязную работу самостоятельно. Психология завоевателя во всей красе – мы победители, а вы так, быдло. И от этого к горлу все явственнее подкатывал мутный комок злости.

– Что делать будем?

Ну, это, как всегда, Селиверстов. Ильвес предпочитает не спрашивать, а просто дожидаться решения – то ли психология прибалта, то ли обучение в военном училище свои плоды приносит. Впрочем, нюансы не столь важны. А вот что делать дальше – это и впрямь серьезно. Можно уйти, тут никто не осудит, но что дальше? Отправить кого-нибудь из парней к своим, оставшись вдвоем наблюдать? Пожалуй, наилучший вариант. Доложить Мартынову, пускай решает. Тот же Селиверстов, если постарается, даже по лесу часа за три доберется. Одному получится быстрее, чем группой, особенно с обузой в его, Хромова, лице. И только решение наконец сформулировалось, как раздавшийся со стороны города треск выстрела погреб его под суровой реальностью и заставил всех троих вновь приникнуть к биноклям.

Ну да, немцы развлекались. Посреди улицы лицом вниз лежало чье-то тело. Чье? Не видно, да и плевать, потому как

рядом разворачивалось куда более интересное действо. Излюбленная немецкая забава – человек, а вокруг несколько солдат с винтовками, штыки примкнуты. Человек вертится, как уж, но сделать ничего не может, хоть кто-то из немцев все равно оказывается позади него и – тыкает штыком в ягодицы, заставляя жертву подсказывать. Им это кажется, наверное, очень смешным. Из ближайшего двора выскакивает вдруг мальчишка, лет, может, восьми, с топором. Кидается на немцев. Один из солдат ловко насаживает его на штык... Все, дальше смотреть не хотелось совершенно. И хотя это было нарушением приказа, Хромов злобно скривился и сказал:

– Селиверстов, Ильвес, дуйте к нашим. Сообщите полковнику, что видели.

– А ты?

– Я? А я пойду, поговорю с этими... Очень хочется.

– Командир, а не пойдешь ли ты... далече? – Селиверстов презрительно сплюнул. – Ты меня за кого держишь? Вместе пойдем. Поговорим.

Курсант промолчал, лишь кивнул согласно. Что же, спорить не было смысла – все равно не слушают. Хромов и сам бы не послушал. Вздохнув, он кивнул и приказал:

– Тогда двигаем опять к пруду, а там уже до домов рукой подать. Оружие проверили – и пошли. Вы, – он обернулся к местным, – сидите здесь. Авось пронесет. С богом, парни!

До домов они смогли добраться без происшествий – ви-

дать, немцы были слишком заняты. Да и немного их было, приехавших – от силы человек десять, в местном гарнизоне если и больше, то – чуть. В общем, по сторонам особо не помотришь, а потому их предприятие не выглядело совсем уж безнадежным. Да, у немцев перевес десять к одному, но на большой площади, по двое-пятеро. Отловить их поодиночке вполне реально. Сложно, однако реально, благо нападения они не ждут, плюс безнаказанность развращает. А вот потом можно и поговорить, за жизнь или за смерть – это уж как получится.

Они шли к тем игрокам со штыками – не потому, что испытывали к ним особую ненависть. Точнее, парни, может, и испытывали, а вот у Хромова мозги сейчас работали холодно, четко и отстраненно. Остальных придется искать, местоположение же этих умников достаточно четко локализовано. Стало быть, и начинать проще всего с них. Даже если они уже закончили, вряд ли ушли далеко.

Как оказалось, и впрямь закончили. Человек, над которым солдаты издевались, лежал в пыли, лицом вниз, и на спине его расплылось пятно крови, на фоне синей рубахи кажущееся фиолетово-черным. Что же, ему не повезло, равно как и пацану с топором, и тому, кого пристрелили в самом начале... Скорбеть некогда, это война, ребята. И Хромов к случившемуся был морально вполне готов. Потом, когда все закончится, он воьет в себя пару стаканов трофейного пойла, снимая накопившийся стресс, а пока выпустит кишки тем,

кто здесь отметился. И это полезнее и достойнее, чем рефлексировать.

На первого немца они наткнулись почти сразу. Встреча оказалась неожиданной для обеих сторон, вот только разведчики ожидали, что она рано или поздно случится, а фриц не ожидал. Он просто вышел из-за угла, поправляя китель – очень похоже, тут же, у забора, справлял малую нужду. И все, что он успел сделать – это приоткрыть от удивления рот. А потом штык СВТ ткнул его точно под нижнюю челюсть, и фриц, отвратительно трепыхнувшись, осел на землю. На руки капнуло теплым, и, стряхнув убитого с винтовки, Хромов не удержался, сорвал лопух и тщательно обтер сначала оружие, а потом ставшие вдруг липкими пальцы. Товарищи смотрели понимающе...

– Вперед!

Еще один немец попался буквально сразу же. Тоже... гм... облегался. Впрочем, он уже заканчивал, и Хромов не стал его торопить. Дождался, когда этот смертник натянет штаны, после чего продемонстрировал молодецкую статью во всей красе. Как оказалось, этот тоже был не готов к неожиданностям, а зря. И, прежде чем фриц опомнился, Хромов успел добежать и с размаху, как по мячу, пробил ему ногой в пах. Получилось шикарно!

Крик не состоялся, умер в зародыше. Вместо него на суд благодарной публики излился какой-то сип, глаза у немца выпучились и стали похожи на два мячика для пинг-понга.

Однако ни упасть, ни даже сложиться противнику Хромов не дал – сгреб за шкуру, развернул, прикрываясь... Защита из человеческого тела так себе, винтовочную пулю не остановит, но выпущенную из пистолета или автомата – вполне. Лучше, чем ничего, а сейчас нельзя было пренебрегать ни одним шансом.

Никто не выскочил. Что же, тем лучше. Посмотрев на немца, Хромов сообразил, что после такого удара тот вряд ли сможет разговаривать. Во всяком случае, в ближайший час точно. Перестарался, жаль. Ну и ладно. Короткое движение, и немец обмяк – со свернутой шеей не живут.

– А ловко ты его, командир, – шепотом выдал комплимент Селиверстов, подхватывая труп за ноги и увлакивая в густые заросли крапивы.

– Выберемся – научу, – так же шепотом ответил Сергей. – Скоро ты там?

– Уже, – Селиверстов выбрался обратно, потирая ожоги от злющего сорняка. – Томас, долго ты еще там будешь?

– Иду, – Ильвес догнал их, держа в каждой руке по винтовке. – Куда их?

– В крапиву кинь, некогда возиться. Тут еще двое рядом. Где они, кстати?

Истошный визг был им ответом. Нечеловеческий визг. Хромов приник к щели в заборе. Ну да, так и есть, двое оставшихся фрицев ловят по двору поросенка, а шустрая хрюшка вовсе не желает быть съеденной. Мечется, отчаянно

ныряя то под высокое крыльцо, то между ног у незадачливых охотников. Просто замечательно! И, естественно, в азарте никто не обратил внимания на три тени, перемахнувшие через не такой уж и высокий забор. А потом стало слишком поздно.

Селиверстов тенью вырос позади «своего». Немец был высоким, спортивным парнем, по сравнению с ним разведчик выглядел замухрышкой. Но сейчас это ничего не значило. Короткий выскерк ножа – и немец оседает, хватаясь руками за горло, и между пальцами у него брызжут фонтанчики крови, алыми каплями ложась на остатки не до конца вытоптанной травы. Его товарищ не успевает ничего понять – и падает от короткого удара прикладом. Спасибо Громову за науку! Ильвес страшует, настороженно поводя вокруг стволом автомата, но все спокойно. Хозяева дома, если они вообще еще здесь, сидят внутри и кашлянуть стесняются, а немцев поблизости вроде нет. Самое то, чтобы «языка» порасспросить.

– В дровяник его, – Хромов подхватил немца за шиворот. – Томас, помогай!

Эстонец забросил автомат за спину, ухватил немца за ноги. Теперь страховал их Селиверстов, у него получалось даже лучше. Несколько секунд – и пленного убрали подальше от чужих глаз, убитого и вовсе кинули под забор. Правда, в ухоженном дворе крапивы не наблюдалось, но тело прикрыли удачно подвернувшейся деревянной тачкой, явствен-

но смердевшей навозом. Все, сразу не увидят, а им много времени и не нужно.

Фриц пришел в себя на удивление легко – хватило ведра зачерпнутой из стоящей во дворе бочки воды. Теплой, мутноватой, с плавающими в ней личинками комаров и явственным запахом тины. Однако же, когда она вылилась немцу на голову, он заворочался, приходя в себя, открыл глаза, понял, что случилось, и открыл рот, дабы как следует заорать. И замер, увидев у самого глаза жутковато поблескивающий даже сквозь не вытертую да конца кровь металл штыка. Вот так-то, сообщает, и это очень неплохо.

Секунду спустя Хромов сообразил, что он – идиот. Языка-то не знает, а их штатный переводчик Плахов остался вместе с группой, так сказать, при штабе. И как теперь допрашивать этого хренова немца? Этот риторический, в общем-то, вопрос он озвучил вслух, и, к своему удивлению, получил на него ответ.

– Разреши я, – Ильвес слегка размял кисти рук. Кулаки у него, стоит признать, были здоровые. – Я немного понимаю по-немецки.

– Откуда?

– В детстве в лавке работал. Убирался, приносил-уносил товары... Там хозяин немец бы, кое-что я запомнил.

– Действуй. Только не убей раньше времени.

– Постараюсь, – криво улыбнулся курсант. – Сейчас заговорит.

Немец и впрямь заговорил очень быстро. Наверное, потому, что не рассчитывал получить в морду от унтерменшей. Морально, так сказать, не готов был к допросу, а потому раскололся уже после нескольких плюх, для здоровья, к слову, абсолютно неопасных. Рассказал, правда, немного – в основном подтвердил сказанное беглецами, а также выводы Хромова относительно численности солдат и того, что главный среди приехавших всего лишь гауптман, капитан по-русски. В общем, мелочи, а больше ничего фриц толком не знал, и прибили его спокойно, безо всяких эмоций и лишних мучений. Ничего личного, просто война.

Еще двоих немцев они сняли минут через пять. Солдаты двигались по улице с той же беспечностью, что и первая группа, за что и поплатились. А вот дальше, продвинувшись до самой площади, разведчики не встретили никого. И только сейчас Хромов понял, как маразматически выглядит его идея отлова немцев поодиночке. Городок, пускай даже небольшой, это не голое поле, и охотиться на противника можно хоть до посинения, банально расходясь с немецкими солдатами по соседним улицам. И, скорее всего, убитых хватятся раньше, чем удастся серьезно проредить их численность. Что тогда прикажете делать? Назад-то уже не сдашь. Разве что импровизировать, но все их действия и так сплошная импровизация, ничего в голову не приходит.

Мрачно размышляя по поводу своей дурости, Хромов рассматривал стоящие на площади грузовики. Один пустой,

у второго откинут капот, видна задница водителя – небось, шаманит что-то, в это время даже немецкая техника далека от совершенства, постоянно надо что-то подкручивать и настраивать.

А хорошие машинки. Небольшие, шестиколесные, с откидным верхом кабины и притороченной сбоку запаской. Крупновские³ – во всяком случае, на разгромленном аэродроме сказал один из водителей, обнаружив такой агрегат. Все сокрушался по поводу того, что машину буквально изрешетили – уж больно она ему нравилась. И людей можно возить, и грузы, и пушку таскать. Легкая, удобная... Здесь и сейчас наблюдались точно такие же, даже жалко их будет жечь.

– Глянь, – Селиверстов толкнул его в плечо. Хромов повернулся – ага, немцы гонят первую партию заложников. Немного, человек пятнадцать. Загнали во двор школы, приказали сесть прямо на землю, оставили двоих для охраны, остальные направились на площадь, курить и зубоскалить. Через несколько минут пригнали вторую группу, тоже загнали во двор. Сергей быстро посчитал солдат, находившихся здесь, вычел тех, кого они уже вывели из игры... А ведь может получиться!

Своей идеей он поделился с остальными, и неприятия она не вызвала. Ну, в самом деле, немцев много, но отнюдь не

³ KRUPP L2H43, один из наиболее распространенных легких грузовиков, использовавшихся вермахтом.

запредельно, всего, когда подойдут оставшиеся, соберется чуть больше двадцати человек. У них винтовки, и то не у всех – кое-кто не собирается таскать постоянно эту тяжесть. Вон, сразу несколько штук к колесу грузовика прислонены. Автомат они видели один – у гауптмана, и тот держит его не в руках. Сейчас они с местным комендантом в лейтенантском чине курят на скамейке у здания администрации, у обоих только пистолеты, и ничего более серьезного в поле зрения не наблюдается. В этой ситуации три автоматических ствола, два из которых специально заточены под бой на ближней дистанции, козырь неплохой. Да и гранаты имеются.

В общем, шансы есть. Если, конечно, удастся полноценно использовать эффект внезапности. Главное, отвлечь немцев и желательно собрать их вместе. Вопрос только, как. Мысль пришла в голову в тот момент, когда один из немцев, колдующий у стоящей тут же, во дворе, полевой кухни, крикнул что-то на своем лающем языке. И все, как один, потянулись к нему. Включая отложившего ремонт водителя. Какая все же дисциплинированная нация!

– Бумага есть?

Товарищи переглянулись, потом Селиверстов выудил из кармана довольно солидных размеров кусок газеты, таскаемый для всем известных нужд. Хромов усмехнулся:

– Замечательно. А теперь слушай, что делаем. Аккуратненько запихиваем эту бумагу фрицу в бензобак. Она там будет плавать, и пока мотор работает на холостых, ничего не

случится. Немец, когда закончит ремонт, скорее всего, заведет свой тарантас, погоняет его на разных оборотах. А когда газанет, бумагу притянет к фильтру, и движок, что характерно, заглохнет. Ну а пока они будут разбираться, мы можем делать, что хотим, все равно они вокруг машины крутиться будут – кто-то советы давать, кто-то ржать, кто-то ругаться. И по сторонам глазеть никому на ум не придет.

– Думаешь?

– Знаю, – ответил Сергей с уверенностью, которой на самом деле не испытывал. – Человек может до бесконечности смотреть на горящий огонь, текущую воду и то, как работают другие. И уж точно посмеяться над тем, кто пашет, пока остальные курят, сам бог велел.

– А сработает?

– С дизелем срабатывало, – пожал плечами Сергей, не уточнив, правда, что было это на полвека позже и с куда более продвинутым в техническом плане грузовиком. – Сделали мы одному уроду гадость.

– За что? – тут же поинтересовался Селиверстов.

– За то, что урод, – уточнять, что за привычку ездить с дальним светом и не выключать его, Сергей не стал. Просто потому, что на здешних машинах такой приبلуды, как дальний свет, он пока что не встречал и не был уверен, что в данный исторический период она вообще существует в природе.

– Понятно, – деловито кивнул боец. – Кто пойдет?

– Да сам я и пойду. Томас...

– Тоомас...

– Да хоть Чингачгук. Держи винтовку, мне с ней тащиться несподручно.

– А...

– Если прокрадусь тихонько – никто и не дернется, а заметят – и пулемет не поможет, – Сергей пару раз глубоко вздохнул, ставшим уже рефлекторным движением проверил оба пистолета. Мысленно посетовал, уже в который раз сегодня, что нет ни одного глушителя, шевельнул плечами. – Ну все, я пошел.

Все же сады – это кладезь вдохновения для художника и кошмар часового. Где-нибудь на открытой местности подберись к цели, попробуй, а здесь и сейчас – да без проблем. Дошел, благо машина едва не утыкалась бампером в раскидистый куст какой-то плодово-ягодной культуры, аккуратно запихнул бумагу в бак, вернулся – и все это никем не замеченный. Разве что лоб покрылся крупными, будто горошины, каплями пота. Нет, когда выберутся... если выберутся, он точно нажрется в хлам, благо есть чего. Но это все потом, сейчас же ему оставалось лишь нырнуть в канаву, плотно оккупированную разведчиками, и продолжить ждать. К счастью, недолго.

Шофер, закончив обед, вернулся к своему пепелацу, поковырялся в двигателе еще минут двадцать, потом залез в кабину, завел. Двигатель зарычал спокойно и ровно, неторопливо, словно довольный жизнью сытый кот. Минута, две...

Внимательно прислушивающийся к чему-то водитель удовлетворенно кивнул, дал газу. Мотор бодро взвыл, секунд пять порывал. И заглох.

Попыток было еще пять, одна за другой. Шофер вновь залез под капот. Еще полчаса и три безрезультатные попытки. Веселый гомон солдат... Теперь здесь толклись практически все, кроме часовых возле задержанных, занятого чем-то своим повара и офицеров, продолжающих что-то оживленно обсуждать. Небось, баб, подумал некстати Хромов. И, как бы это ни глупо в такой ситуации выглядело, пришел к выводу, что вопрос о сохранении верности оставшейся в другом мире избранницы выглядит бесперспективно. Особенно с учетом того, что она его регулярно динамила, а длительное воздержание здоровью противопоказано. Хихикнув мысленно, он прогнал ненужные сейчас размышления, еще раз прикинул диспозицию и аккуратно прицелился.

– Гранатами – огонь!

Как ни обидно признать, гранатами, в сравнении с местными вояками, он пользоваться не умел. Не то чтобы вообще не умел – Мартынов показывал все, что нужно знать. Просто здесь гранаты учили метать аж со школы, в армии доводя мастерство до совершенства. Он так просто не умел. Впрочем, у него и без гранат хватало работы. И к тому моменту, как трофейные немецкие «колотушки», неуклюжие на вид, но на практике весьма удобные, отправились в полет, он успел выстрелить четыре раза. И как минимум дважды попал. Обо-

их офицеров (по две пули на брата, чтоб наверняка, благо скорострельность позволяла) смело. Еще один выстрел, по охране – «в молоко», и в этот момент рванули гранаты.

Все же эффект от их применения по кучно стоящему противнику несколько отличается от того, что показывают в кино. Нет тебе ни фонтанов земли на полнеба, ни эффектно (и комично) разлетающихся во все стороны врагов. Так что по эффектности реальным гранатам до кинематографа далеко, а вот по эффективности...

Немцев, оказавшихся поблизости от взрывов, раскидало, словно кегли. Как сварливая теща, взвизгнули над головами осколки. И в следующий момент три фигуры, буквально взвившись из укрытия, покритиковали опешивших врагов в упор из двух автоматических стволов. СВТ, правда, по скорострельности уступала автоматам, и здесь свои достоинства не продемонстрировала, но это было не столь важно – у Хромова была иная цель. Громко бухая каблуками так и не ставших привычными сапог, он мчался к заложникам, надеясь лишь, что охреневшие от происходящего часовые не успеют среагировать адекватно.

Времени его бросок потребовал всего ничего, секунд пять от силы, но показались они вечностью. А немцам, наверное, мигом единым. Не зря выстрелить успел только один, в белый свет как в копеечку. Никогда не следует злиться на людей. От этого дрожат руки и сбивается прицел, как-то отстраненно успел подумать Хромов. А потом немец оказался

совсем рядом, и Сергей, не останавливаясь, коротко и четко, как учил Громов, ударил его штыком. Тот вошел мягко, словно в масло – и застрял. Тело немца свело спазмом...

Сергей толчком опрокинул его, без малейшей брезгливости уперся сапогом, освобождая штык, повернулся ко второму часовому, белому как мел, отчаянно дергающему затвор, и выпустил практически в упор все, что оставалось в магазине СВТ. Башка немца разлетелась вдребезги; с воплями бросились в стороны те, кого он охранял... А Хромов посмотрел на результат с полнейшим безразличием и каким-то отстраненным спокойствием. Смутить его зрелище не могло. Как-никак трупов он за последнее время повидал больше, чем проктолог задниц. И брызги чужих мозгов на сапогах были сейчас ничего не значащей липкой массой, которую надлежало обтереть, не более.

Вот и все – четко, быстро, никаких рефлексий. Руки независимо от сознания, с приобретенной уже в этом мире сноровкой, меняют пустой магазин на снаряженный. Короткий лязг затвора – все, оружие готово к бою. Вот только целей больше нет. Лишь трупы в художественном беспорядке – закономерный результат внезапной атаки на далеко не первосортных вояк. Умерли, не успев сообразить, что произошло. Было бы удивительно, сложились что-то иначе.

– Сергей! Командир!

Хромов повернулся на крик и как можно более невозмутимо поднял левую бровь:

– Что у вас там?

– Да пленного взяли, – Селиверстов стоял над офицерами и тыкал в них стволом автомата. Ильвес ходил среди лежащих тут и там немцев, держа в руке пистолет. Успел где-то разжиться – когда они выходили в рейд, короткоствола при нем не было, это Хромов помнил точно. С каменным выражением лица эстонец тыкал ногой тела. Время от времени негромко щелкал выстрел – зачистка штука малопочетная, но полезная и нужная. Молодец...

Пленным оказался местный лейтенант. Второму Хромов попал точнехонько между глаз, так, что спереди была небольшая, в общем-то, дырочка, а затылок вынесло начисто. Лейтенанту же повезло чуть больше. Пуля разворотила немцу плечо. Для жизни, в общем-то, неопасно, крови вытекло немного. Зато сознание упорхнуло птичкой. Это только в кино раненый продолжает стрелять как ни в чем не бывало. Нет, отдельные ситуации, когда адреналиновая волна перебивает боль, могли наблюдаться, но это скорее исключение из правил. В подавляющем большинстве случаев болевой шок и потеря боеспособности, чаще всего вместе с сознанием. Вот как сейчас, например.

– Ну что же, не пропадать же добру... Томас! Глянь, там перевязочных пакетов нет?

– Тоомас, – педантично уточнил курсант, но от дальнейших препирательств воздержался. Зато буквально через несколько секунд приволок целую сумку, набитую бинтами,

ватой и еще черт его знает каким добром. – Вот. Только за-
чем на него добро переводить?

– Полковнику его сдадим, пускай расспросит, – отозвался Хромов, деловито распарывая на пленном одежду.

– Да что он может знать?

– А вдруг? К стенке мы его поставить всегда успеем. Помогай давай.

– Все равно не дотащим, – фыркнул Ильвес, но послушно перехватил застонавшего немца.

– Дотащим, он жилистый. Хотя выглядит, конечно... Судя по виду, когда его делали, мама не хотела, а папа не старался.

Селиверстов фыркнул, сдерживая рвущийся наружу смех. Ильвес сохранил невозмутимость, но заметно было, что дается она ему нелегко. Втроем они довольно быстро, хотя и не слишком умело замотали немца так, что из-под бинтов торчала одна голова, а потом Хромов повернулся ко все еще толпящимся во дворе школы и с испугом глядящим на освободителей заложникам:

– Ну, и что мы встали? Немцевдохлых не видели? Так посмотритесь еще, война только начинается. Брысь по домам!

Надо же, подействовало. Будто переключили у них что-то в мозгах, и рванули все по домам, только пятки засверкали. Мужчины, женщины, дети... И Селиверстов, провожая их глазами, явственно вздохнул.

– Чего ты? – удивленно спросил Хромов.

– Да там девушка была... Э-эх!

– И чего ж ты тогда терялся? – поинтересовался Сергей, удивляясь, как Селиверстов ухитрился в такой момент еще и на девушек внимание обратить. Впрочем, на адреналине можно словить глюки и похлеще, чем сельская красавица. Лично ему они здесь, кстати, все как на подбор напоминали французскую актрису – ту, что играла лошадь мушкетера.

– Так ведь...

– Подождал бы фриц. Лично мне его самочувствие до одного места, лишь бы на вопросы отвечать мог. Что, очень понравилась?

– Ага, – Селиверстов покраснел, совсем как мальчишка. Из-под маски сурового пса войны разом вылез тот, кем он был на самом деле. Практически юнец... Рядом с ним Хромов, выросший в куда более насыщенном информацией, а главное, циничном времени, почувствовал себя если не стариком, то, во всяком случае, умудренным опытом мужчиной. И смотрел на товарища с нескрываемой усмешкой. Как здесь все просто. Один взгляд – и все, голову потерял. Впрочем, те же медузы и без мозгов живут миллионы лет. Собственно, это обстоятельство дарит людям надежду.

– Закончим – попробуй найти. Может, и получится. И хорош краснеть и мяться. Женщины любят мужчин сильных и уверенных в себе.

– Но...

– Запомни, главное – не унывать. На собственных соплях очень легко поскользнуться. Если и впрямь очень постара-

ешься – найдешь.

– Ну, а дальше?

– Сам думай. И вообще, меня не интересуют ваши сексуальные фантазии. У меня своих достаточно. Все, помогай давай.

Подхватив раненого, они подтащили его к грузовикам, благо обе транспортные единицы остались на ходу. Даже колес не попортило, только в бортах осколками наделало пробоин. Вот только немец к транспортировке оказался не готов, хрипло вскрикнув и открыв мутные от боли, глубоко запавшие глаза.

– Больно? Ну, ничего, терпи. Вам за это деньги платят.

– Командир, как ты можешь быть таким циником? – все же то, что было нормой для человека из будущего, Селиверстову казалось не то чтобы диким, а, скорее, непривычным.

Хромов пожал в ответ плечами:

– Я такой, какой есть. И не жди от меня сочувствия к врагу. Я его еще в младенчестве пропил. На пару с совестью, которую на карандаш сменял.

Селиверстов лишь головой мотнул, однако комментировать не стал. Хотя наверняка нелегко ему – все же, как ни крути, в этом времени много стереотипов. О том же классовом братстве, например. И умом-то понимает, что перед ним враги и что стреляет в него какой-нибудь немецкий рабочий, но вбитые намертво «истины» о том, что рабочий – это обязательно свой, товарищ, наверняка толкают под руку. И если

в бою работают рефлексy, то после него – рефлексии. Впрочем, это пройдет. И размышляя о столь высоких материях, Хромов перестал смотреть вокруг... А зря!

– Ложись!

Вот он минус для не служившего в армии студента. Солдату при грамотно построенном обучении в голову буквально вбивается: команды выполняются не задумываясь. Хромову же вначале потребовалось осознать и понять – за время, проведенное в этом мире, полезных рефлексов добавилось, но гражданскую сущность они еще до конца не перебороли. В следующий миг Селиверстов как живой таран сбил его с ног, и лишь несколько секунд спустя пришло понимание, что обдавший голову ветер – след от пули, прошедшей совсем рядом, может, в паре сантиметров от виска. А грохот выстрела он так и не услышал.

– Где? – злобно прохрипел Сергей, перекатом уходя под защиту грузовика.

– На каланче...

Хромов высунулся, быстро посмотрел на высокую, еще дореволюционной постройки башню обзора местных брандмейстеров и тут же ушел назад. Вовремя – песок там, где он был за секунду до того, взрыла пуля. Хорошо стреляет, гад... Но что хотел, он все же увидел – и место, где засел противник, и, главное, шустро крадущегося к каланче Ильвеса. Тоомас выбрал достаточно удачный маршрут, оставаясь в мертвой зоне, да и вообще стрелок вряд ли его заметил.

Все же курсанта явно учили на совесть.

– Отвлекаем...

Лишний раз объяснять Селиверстову не потребовалось. Высунулся на секунду, дал короткую очередь куда-то в сторону цели и тут же спрятался. Кланг! В тонком металле борта появилась дырка, не предназначен грузовик для противостояния пулям. Хотя и выстрел точностью не отличался, промах на полметра, не меньше – стрелок явно занервничал.

Хромов тут же высунулся. Трижды выстрелил, благо «светка» позволяла не терять время на передергивание затвора, и тоже нырнул в укрытие. Ответная пуля свистнула выше. Нормально...

Они повторили это еще несколько раз, а потом с колокольни раздался вопль, и, высунувшись, Хромов увидел непонятное мельтешение наверху. Более всего это смахивало на потасовку – похоже, Ильвес добрался-таки до снайпера.

Переглянувшись, разведчики, не сговариваясь, синхронно выскочили из укрытия и бросились к каланче, однако их помощь уже не требовалась. Когда они, тяжело дыша, бежали по лестнице, навстречу им вышел курсант, держа согнувшегося в три погибели высокого, худого мужика. Что интересно, не в форме, а во вполне гражданском кургузом пиджачке. Правая конечность стрелка была заломлена за спину, чуть не до затылка, так, что дернешься – сломается. Второй рукой Ильвес держал пленного за длинные сальные волосы, оттягивая ему башку назад. В общем, капитально за-

щемил противнику все, что можно и нельзя. Увидев подмогу, заулыбался, демонстрируя свежий фингал под левым глазом:

– Там мой автомат остался и его винтарь. Подберите, а...

– Подберем... Как ты его усек? – спросил Хромов у Селиверстова, протискиваясь вверх. Тот лишь сделал гордый вид. Ну что же, и без слов ясно – случайность, помноженная на боевой опыт и хорошую реакцию. Повезло...

Винтовка была немецкая, изрядно потерянная и очень ухоженная. И – длиннее образцов, которые попадались Хромову раньше, видать, наследство прошлой войны еще. Пленный, мужик средних лет с качественно стянутыми за спиной руками, периодически зло посматривал на Сергея, крутившего оружие в руках.

Остальные расположились тут же, благо с трофеями уже разобрались, просто закидав их в кузов одного из грузовиков. Курсант зло смотрел на стрелка, прижимая к окончательно заплывшему глазу какую-то железяку. Поздно, уже не поможет, и ждать, пока бланш рассосется, придется долгонько. Селиверстов задумчиво чистил ногти кончиком трофейного немецкого кинжала. Почему-то этот простой и незатейливый предмет более всего притягивал взгляд пленного, глаза так и шевелились в такт движению клинка.

– Ну-с, господин хороший, может, объяснишь, зачем ты в нас стрелял? – Хромов говорил спокойно, в чем-то даже немного дружелюбно. Роли были уже расписаны, каждый

знал свой маневр. — Мы тут, понимаешь, от немцев вас спасаем, а ты стрелять... Нехорошо.

Пленный молчал. Впрочем, это никого не обескуражило. «Хороший» свою часть речи закончил, теперь было время «плохого», и в этом качестве Ильвес со своей травмой подходил как нельзя лучше.

— Да что с ним цацкаться? — зло поинтересовался он. Акцент, ранее почти неуловимый и давно привычный, обострился и звучал сейчас довольно зловеще. — Повесить как предателя, и делу конец.

— А может, он мазохист, и сам этого добивается.

— Кто?

Сергей объяснил. Товарищи, как жеребцы, дружно заржали. А пленный, очевидно, вполне понимающий сказанное, выдал в ответ длинную фразу. Явно нецензурную, но русско-му слуху абсолютно чуждую. Селиверстов приподнял бровь:

— А ведь это он по-польски.

— Ты его понимаешь?

— Нет, командир, абсолютно. А вот он нас — вполне. Зато Васильич его поймет. И разговорит куда быстрее.

— Тогда грузим его к фрицу, — махнул рукой Сергей. Происшедшее стало ему абсолютно понятным и обрело устойчивую логику. Не зря Бисмарк говорил, что большие нации ведут себя, как хищники, а маленькие — как проститутки. Поляки — это пасынки истории. Здесь это было видно во всей красе. Пока советская власть выглядела сильной, этот чудик

под шконкой сидел. Когда пришли немцы, стал бояться уже их. Зато, как только подвернулся шанс нагадить под шумок, решил им воспользоваться. Можно было бы его тут же и повесить, и это было бы правильно, однако лучше пускай его все же распроят – мало ли.

Уже садясь в кабину послушно заведшейся машины (газету из бензобака вылавливали долго и мучительно, но все же справились), Сергей оглядел площадь, заметил, как из кустов за ним внимательно наблюдают, и сделал небрежный жест, не оставляющий, впрочем, места для неверного толкования. И, соответственно, его поняли.

Мальчишке, выбравшемуся на дорогу, было лет десять. Обычный такой пацан из полусельской местности, негламурный и самостоятельный. В оставленном за спиной будущем его ровесники максимум в планшетах сидят, этот же наверняка может и гвоздь забить, и коров пасти. Что же, нормальный вариант.

– Приберите тут, – Сергей кивнул на разбросанные немецкие трупы. – Держи, это тебе за работу.

Немецкая винтовка и подсумок с патронами тяжело стукнули о землю. Мальчишка, не чинясь, подошел, взял, молча поклонился и зашагал к домам. Нормально, оружие у него даже намек на отторжение не вызывает. Стало быть, и впрямь сможет использовать, случись нужда. Не он, так родители... С этими мыслями Хромов вновь нырнул в кабину, газанул и, мысленно ругаясь на неторопливость детища ми-

нувшей эпохи, направил рыдван прочь из города.

– Присоединяйся, – Хинштейн подтянул к себе здоровенный шмат испускающего невероятный чесночный дух сала с толстыми прожилками розового мяса. Выудил откуда-то длинный тонкий нож и принялся ловко пластать закуску на крупные, лоснящиеся жиром ломти. – Наливай сам, мне тянуться лень.

– А как же вера? – Сергей аккуратно, на два пальца, разлил по стаканам водку. Поставил одну емкость перед собой, вторую протянул Альберту. – Вздогнули.

– Угу, – Хинштейн одним махом всосал жидкость, удовлетворенно, совсем не по-еврейски, крякнул и с наслаждением закусил. – Хорошо пошла. А вера пить не запрещает.

– А свинину?

– Если ради спасения жизни – можно.

– И что же тебе угрожает?

– А мне давеча полковник сказал, что если не буду есть сало, он меня расстреляет. Чтоб, значит, моральный дух бойцов не подрывал.

Посмеялись.

Вообще, здорово вот так сидеть, вытянув ноги. После сегодняшней прогулки, неожиданно перешедшей в поездку, они здорово ныли. Хорошо еще, Мартынов не стал устраивать разбор полетов, да и пленными занялся лично, отправив разведчиков отдыхать. И Сергей, воспользовавшись момен-

том, помылся и отправился в гости к Хинштейну. Заглянул, так сказать, на огонек и попал весьма удачно.

Вообще, за последнее время их штатный еврей изрядно обрусел. И не только в плане личной храбрости, в ней-то как раз никто не сомневался, а еще и в гостеприимстве. Во всяком случае, первым делом поинтересовался, не голодный ли Хромов, а затем категорически отсоветовал идти есть оставшуюся от общего ужина кашу. Готовил ее «этот шлимазл Кацуба», а у него руки из задницы... Честно говоря, Сергей был с этим согласен, и приглашение товарища посидеть и разговеться принял не задумываясь.

– Как сходили?

– А сам не видел?

– Видел. Ты лучше свои впечатления скажи.

– А что сказать... Если в двух словах, такое впечатление, местным плевать на войну, плевать, кто победит. Лишь бы их не трогали. Не всем, но большинству. По мне так зря я в тот городок полез, если б знал, то понаблюдал издали да ушел.

– Ты прямо льешь воду на мельницу моей теории.

– Альберт, ты теоретиком заделался? – усмехнулся Хромов.

– Заделаешься тут... Впрочем, это логично, – похоже, данная стопка была у Хинштейна сегодня далеко не первой. – Эти места отошли к Союзу недавно. Когда поляков замиряли.

Он кинул в рот еще кусочек сала и, монотонно двигая челюстями, уставился в одну точку, будто задумавшись о чем-то. Сергей понаблюдал за ним, а потом вывел из нирваны:

– Что за теория-то? Просвети.

– Да простая. Надо отсюда двигать, и поскорее. И Мартынов делает большую ошибку, встав здесь.

– Объяснись, – разговор моментально перестал нравиться, но выслушать Хинштейна стоило.

Тот кивнул и налил себе еще – на этот раз чая. Отхлебнул из кружки, чуть поморщился, ожегшись:

– Тут все просто. Мы сейчас находимся в неприятном месте, которое связывает нас по рукам и ногам.

– В смысле?

– А ты сам подумай. По сути, можно находиться на своей территории, где при необходимости можно рассчитывать на помощь местных жителей. Или на вражеской, где стреляешь во все, что движется, и ограничение лишь патроны, здравый смысл и совесть. Так?

– Ну, если очень грубо...

– Вот видишь. А здесь территория вроде и своя, то есть все ограничения на нас накладываются, и население в большинстве такое, что как по враждебной земле идем. Не, ты как хочешь, а я считаю – надо или вперед, или назад.

– Вообще-то, насколько я помню, здесь будет вполне себе партизанский край, – осторожно заметил Сергей.

– Будет, месяцев через несколько, когда немцы местных

прижмут хорошенько. Но нас вполне могут прихлопнуть, как мух, еще раньше.

Хромов задумался. В словах товарища был определенный смысл. А с другой стороны, полковник вроде бы предполагал остановку лишь на время ремонта техники. На это Хинштейн тут же возразил, что нет ничего более постоянного, чем временное. И опять в его словах был смысл. Хромов вздохнул:

– Ладно, черт с тобою, золотая рыбка. Три дня. Если за это время не выступим отсюда, то соберемся все вместе и будем решать. Против коллектива Мартынов не пойдет.

– Договорились, – кивнул Хинштейн.

– Но если у полковника серьезные аргументы остаться, я против него не пойду.

– Да и я тоже. Но мне надоело играть втемную. Хочу видеть картину целиком, а не кусочек, который разрешают непонятно почему.

– Логично. Главное, не сделать новых проблем себе и людям.

Хинштейн пьяненько усмехнулся:

– В общем, можешь считать меня жадным евреем, а я тебе скажу так: люди сами в своих бедах виноваты. Не всегда, но очень часто. И помогать им... В общем, это вредно.

– Аргументируй.

– Ну вот, например. Помнишь, там, в нашем времени, то пожары, то наводнения?

– Помню, конечно. И что?

– Государство пострадавшим помогало, так?

– Хочешь сказать, не должно было? – прищурился Хромов.

– Не то чтобы... Хотя, между нами, девочками, такая мысль имеет право на существование. Хотя бы потому, что хозяева сгоревших или смытых хозяйств могли бы как минимум застраховать свою собственность. Ну да это ладно. Просто я тысячу раз наблюдал, как смывает какой-нибудь поселок, люди получают от государства помощь, а потом строят новые дома на том же самом месте. Где их, может, через год, а может, через десять, но обязательно опять смоем. Притом, что недалеко, в десятке километров, есть высокий берег, до которого вода при всем желании не доберется. Однако же они строятся там, где жили раньше. Кто-то аргументирует, что здесь предки на сколько-то колен жили, кто-то еще что-то говорит... Но факт остается фактом – их вновь смывает, а государство вновь компенсирует. А эти деньги, заметь, из тех, что платим налогами мы с тобой, у которых дома почему-то не уплывают. И пока люди будут уверены, что, случись нужда, государство – родственники – сердобольные люди – кто-то там еще обязательно придут и решат их проблемы, они ничему не научатся и будут по-прежнему делать так, как их левая пятка пожелает. Вот поэтому я и убежден: людям помогать можно, но не более одного раза. Иначе так и привыкнут сидеть на шее, ноги свесив. А все остальные, сами

того не ожидая, вдруг оказываются в положении рабов, обслуживающих этих не желающих учиться на прошлом опыте умников. А лично я рабом быть не хочу.

– Я слышал, в Древнем Риме были рабы, у которых имелись собственные рабы? – попытался перевести разговор в иное русло Хромов.

– Возможно. Такие и в нашем времени есть, их называют менеджерами среднего звена. Но не о том речь, а о сущности человеческой натуры. Я, наверное, немного сумбурно говорю, но... ты мою мысль понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Хромов. Сказанное товарищем несколько расходилось с его шкалой ценностей, однако отторжения не вызывало. Почему? Ну, наверное, потому, что какая-то правда, циничная и жестокая, в словах Альберта имелась. И продолжать разговор не хотелось совершенно, поэтому он, поблагодарив за угощение, отправился баиньки. А утром стало весело...

Верных сподвижников Мартынов собрал возле «тридцатьчетверки», тоже, раз подвернулась оказия, вставшей на профилактику. Впрочем, сейчас здесь никого не было – народ в основном был занят возле немецкой техники. Все же трофеи, поражая качеством исполнения, имели в подавляющем большинстве один серьезный недостаток – сложность в обслуживании. Смешно, немецкие танки, «четверки», требовали внимания сравнительно немного, а вот полугусенич-

ные бронетранспортеры одних лишь точек смазки имели столько, что хватило бы на советскую роту. В общем, тот еще геморрой.

Как оказалось, ночью полковник времени не терял и успел допросить пленных. Гордо крививший рожу поляк и впрямь оказался типичным националистом, из тех, которые всех ненавидят. Оказался после раздела Польши на советской территории, затаился, а тут решил, видимо, под шумок отмстить хоть кому-то. Щебетать на вполне сносном русском начал всего-то после третьего удара по морде, но толку от него было чуть меньше, чем снега в июле. Ничего интересного он не знал, а потому Мартынов, недолго думая, приказал его повесить, что бойцы и выполнили, уведя его подальше в лес, где потом и прикопали. А вот с немцем получилось интереснее.

Лейтенант-тыловик Клаусс Рудель, как оказалось, успел повоевать. Не то чтобы очень, правда – Польская кампания, где пшекам навалили, можно сказать, походя, а затем Франция. Так, чуть-чуть. Французы за прошедшие с той войны два десятилетия успели изрядно выродиться, и вояки были, прямо скажем, не очень. Тем не менее, война – лотерея, и нарваться можно на кого угодно. И – на что угодно. К примеру, на Char de bataille B1 bis, тяжелый «пехотный» танк, закованный по кругу в шестидесятимиллиметровую, непроницаемую для немецких пушек броню и несущий сразу два орудия. Там, где они сталкивались с немцами до того, как

успевала на помощь авиация тевтонцев, потери врага были ужасающими. Вот и Руделю «повезло» – французы прошли через их подразделение, даже не заметив его, и выживших осталось немного.

Отлежавшись в госпитале и получив висюльку «за ранение» на грудь, лейтенант стал куда больше, чем прежде, ценить свою драгоценную шкуру. Неудивительно, что назначение в гарнизон практически на границе воспринималось им как подарок судьбы. Да, скука несусветная, зато от фронта далеко, не убьют. Правда, тесть, бравый ветеран Великой⁴ войны с протезом вместо левой ноги упорно трындел, что надо «не посрамить», «быть в первых рядах», «показывать пример солдатам». Наверное, потому и орал громче всех, что хотя ему самому было едва за сорок, и люди такого возраста вполне могли воевать, из-за деревянной ноги он призыву никак не подлежал. Однако Клаусс, хоть и не русский, истину «Любишь советы давать – люби и на хрен ходить» знал хорошо. Так что пошел тесть по всему миру известному адресу, а лейтенант окопался в безопасном тылу. Но вот – не свезло, нарвался на разведчиков, получил свинцовую пилюлю. Данное обстоятельство весьма его впечатлило, и, не корча из себя героя, лейтенант выложил Мартынову все, что знал. Немного, зато интересно.

Если конкретно, у немца была информация по группе, из-

⁴ Первая мировая война, название дано после ее окончания, в настоящее время практически вышло из употребления.

за которой, собственно, и заварилась каша. В первую очередь, о том, что группа состояла из бойцов-окруженцев. Ну и о местах, где она устраивала диверсии. По ним Мартынов примерно смог вычислить место их базирования. Как? Учили его этому. В подробности же полковник вдаваться не собирался.

В принципе, то, что действуют именно окруженцы, можно было предположить. Засомневался разве что Игнатьев, но, как оказалось, имелись доказательства, причем их привез, сам того не зная, лично Хромов. Лежали эти доказательства в кузове, накрытые брезентом, и были взяты немцами в качестве трофея во время одной из стычек. Сейчас они тоже лежали, только уже на земле. И тоже накрытые. Полковник эффектным жестом сдернул брезент, демонстрируя собравшимся чудо военной мысли. Несколько баллонов, покоцанных осколками то ли гранаты, то ли мины, то ли еще чего-то взрывающегося, длинная труба, шланги... И когда собравшиеся поняли, что перед ними, то они несколько обалдели.

За последнее время Сергей повидал много извращений оружейной мысли, но огнемёт со штыком... Они что, собираются вначале ткнуть немца, а потом рану прижечь? Или в штыковую с ним ходить? Остальные, похоже, испытывали схожие чувства. За спиной их громко хмыкнул Мартынов:

– РОКС-1. Интересная штука, я в свое время такой всего один раз, в музее видел.

– Что?

– Ранцевый огнемет Ключева и Сергеева, первая модель, – любезно объяснил полковник. – Выпускает струю огня на расстояние до сорока метров. Ну, это теоретически, конечно, по факту заметно меньше.

– А на хрена ему штык?

– Внешний вид оружия и штык делают его похожим на винтовку. Теоретически, конечно, и издали. Сделано это специально для маскировки, огнемет – мишень для снайпера номер один, а так хоть какой-то шанс, что не разберется. Насколько помогало – вопрос открытый, но лучше уж так, чем никак.

– Оригинально... – Сергей пощупал кончиками пальцев дыры в баллоне. – Как он не загорелся-то...

– Не знаю. Наверное, повезло бойцу.

– А может, пустой уже был?

– Может, и пустой. Я в деталях его конструкции ни ухом, ни рылом. Занятная штука, правда? И простому деревенскому пастуху или кузнецу... да хоть бы и механизатору она не годится. Это оружие хорошо подготовленного бойца, очень специфическое и требующее соответствующего обслуживания и понимания тактики применения. Так что красноармейцы там. Может, конечно, и разбавленные местными, но в основе все равно красноармейцы. И, я считаю, надо установить с ними связь.

– Смысл? – поинтересовался Игнатьев, тоже внимательно рассматривающий трофей. – У нас вроде и без них проблем

хватает.

– Смысл есть. Если получится договориться, то люди сейчас лишними не будут. У нас больше техники, чем солдат.

– А не получится?

– Хотя бы предупредим, чтоб не мутили воду там, где базируются. А то геройствуют они, а проблемы у нас могут образоваться.

Этому аргументу дружно и глубокомысленно покивали все собравшиеся, а Сергей уточнил:

– Мне готовиться к выходу?

– Нет, ты со своими отдыхай. Я уже послал Громова.

Уже. Соответственно, их собрали, дабы поставить в известность. Ну что же, Мартынов в своем праве. Да и решение послать группу оправданное. Тем более что старый разведчик и впрямь наилучший выбор. Однако когда они уже расходились, полковник тронул его за плечо:

– Сергей, задержись на минуту...

Обустроился Мартынов, стоит признать, совсем неплохо. Оккупировал небольшую комнату, главными достоинствами которой было чудом уцелевшее стекло в окне и плита, на которой сейчас негромко пофыркивал чайник. Учитывая, что наступала осень и дни становились все прохладнее, очень даже кстати. Сколоченный на скорую руку стол мог похвастаться какими-то бумагами, картой, которую Мартынов тут же убрал, целым набором остро отточенных карандашей и оче-

редным «вальтером», используемым вместо пресс-папье. В этом качестве пистолет выглядел сюрреалистично-милитаристски, но функцию свою выполнял достойно, крепко прижимая ворох документов к неровной дощатой поверхности. Ну и дополнял картину трофейный пулемет с заправленной лентой, стоящий в углу, рядом с брошенным на пол спальным мешком.

– Садись, – полковник кивнул на табурет, судя по виду, оставшийся от прежних хозяев, и принялся возиться с чайником. – Там на полке пирог – Светлана Александровна с утра расстаралась.

– Оба-на! С черникой?!

– Да, уже поспела. Давай налегай.

Печь их докторша умела неплохо. Во всяком случае, первый кусок изрядно проголодавшийся Хромов проглотил моментально. А вопрос и вовсе задал только после второго:

– Палыч, а теперь скажи – зачем ты меня звал?

– То есть в то, что я захотел тебя угостить, ты не веришь? – весело прищурился Мартынов.

– Не-а.

– Аргументируй.

– Скорее всего, ты пригласил бы и остальных. А раз нет – значит, хочешь иметь со мной разговор тет-а-тет, и пирог здесь – приятное дополнение, и только.

– Что же, в мозгах тебе не откажешь. Обиделся?

– За что?

– За то, что послал людей, не посоветовавшись. Тем более людей, которых ты считаешь своими.

– Это неважно. Ты командир – ты решаешь, что лучше для всех.

– Не очень честный ответ, но... принимается. Тогда новый вопрос. Ты историю учил?

– Учил, – Сергей не понимал смысла разговора, а приключения, случившиеся в последнее время, привили ему настроенное отношение ко всему непонятному.

– Скажи, помнишь, кто такой Фрунзе?

– Один из главных полководцев Гражданской войны, сподвижник Ленина. Умер от болезни, уже после войны, во время операции.

– Гм... Половина нынешней молодежи этого и не вспомнит.

– Смотрел фильм про него как-то, по патристическому каналу. Ну и Громов воевал одно время против него. Как ни странно, остался о Фрунзе очень высокого мнения, вот и рассказывал.

– Хорошо. В смысле, хорошо, что кое-что знаешь. Многое не потребуется объяснять.

– Что именно?

– Ты знаешь, встречалось мне как-то мнение, что со смертью Фрунзе далеко не все однозначно.

– То есть?

– Ну, есть две базовые версии: непереносимость нарко-

за, о которой просто не знали, и козни Сталина, по приказу которого врачи Фрунзе и грохнули. Первая более правдоподобная, на мой взгляд, хотя бы потому, что у этих двоих не было даже намека на конфликт. Ну да нашим дерьмократам на логику плевать. Еще была версия, что приложил к этому лапку Троцкий, которого Фрунзе заменил на посту наркома по военным и морским делам. Имеет право на жизнь, чего уж там. Но вот попадалось мне высказывание одного не самого глупого человека о том, что тут замешаны армяне.

– А они-то здесь при чем?

– Они? О-о, эти кадры имели неплохой повод ненавидеть лихого наркома.

– С чего бы?

– Ну, турок они ненавидят до сих пор.

– Фрунзе – турок? Не смейся...

– Фрунзе – один из создателей нынешней Турции. Это он доставил Ататюрку оружие и обеспечил реформирование их армии в момент, когда само существование этой страны висело на волоске. На памятнике Ататюрку он, кстати, изображен среди его ближайших соратников... В общем, этого ему вполне могли не простить. Но это один пример. А вот тебе второй. Помнишь, что говорили в школе о конкистадорах, завоевавших Америку и варварски уничтоживших древние цивилизации?

– Ну... Что-то помню.

– Опуская то, что писали об этом, как правило, конкурен-

ты испанцев, не особенно жаждущие показать конкистадоров в хорошем свете, а также тот факт, что «великие» цивилизации Нового Света находились в жутком упадке, были еще и весьма интересные нюансы. К примеру, ты в курсе, как состоялся первый контакт испанцев с инками?

– Не интересовался, – честно ответил Сергей. – Наверное, приплыли, высадились и наловили местных для допроса.

– Угу. Все же плохо в школе учат. Раньше об этом, впрочем, тоже не распространялись, уж не знаю, почему.

– Слушай, не тяни kota за половые органы, рассказывай уж, если начал.

– Да все же просто. Первый контакт – разбитый у берегов Америки корабль и выжившие матросы, которых инки взяли в плен. Откровенно говоря, если бы их сделали рабами, никто б даже не почесался – общепринятая практика того времени, норма, можно сказать. Но их принесли в жертву своим богам. Как об этом узнали, история умалчивает. Сильно подозреваю, никто и не скрывал. Испанцы расклады, естественно, запомнили. И не ответить просто не могли – иначе соседи перестали бы их уважать. Времена были суровые, толерантностью не пахло, а потеря уважения означала, что кто-нибудь всенепременно решит – ослабели испанцы, пора их за жабры брать. Поэтому на оскорбления следовало отвечать максимально жестко. Что, в принципе, и произошло. Да и сами инки редкие идиоты – наехать на лучших солдат в мире, это ведь еще додуматься надо.

– А как насчет того, что индейцы не знали ни о разнице в традициях, ни о том, кто тут самые крутые вояки?

– А вот это, – в тон ему ответил Мартынов, – уже только и исключительно их проблемы. Ни испанцев, ни тем более нас с тобой они не касаются. Но я, в общем-то, к чему разговор веду и историческими прецедентами сыплю? Просто жизнь – штука очень сложная, и расклады могут быть такими, о которых ты и не подозревал. Вот так-то, мой юный падаван, хе-хе...

– Поясни мысль, я тебе не мастер по отгадыванию шарад.

– Все просто, Сереж, все просто. Мы привыкли делать выводы на основании имеющихся знаний. Чаще всего при этом мысль о том, что имеется нечто, нам совершенно неизвестное, просто не приходит человеку в голову. Вот и ты... Как, поговорил с Хинштейном вчера?

– Поговорил, – отрицать очевидное было глупо. – Подслушивал?

– Нет, выводы делаю. Он ведь и с Игнатьевым разговаривал. Только Игорь сразу ко мне пошел, обсудить расклады. Ну а ты нет. В общем-то, твое право, не буду даже спрашивать, о чем беседовали. Просто хочу дать тебе совет: прежде, чем соглашаться с Альбертом, трижды подумай. У него ведь свой интерес.

– Вот как? А можно подробнее?

– Да все просто. Он хочет быть лидером. Вначале не мог, а сейчас, освоившись, решил, что умнее всех.

– Может, ты и прав. А может, и нет. Вот только, Палыч, я тебе так скажу. То же, что Громов мне однажды. Из того сарая не Альберт нас вытащил, а ты. А остальное – лирика...

Громов вернулся только следующим утром, злой и усталый. Как оказалось, окруженцев, устроивших немцам тарарам и безобразие, его группа все-таки нашла. Правда, вляпались в необозначенное на карте болото, вымокли, были атакованы кучей мошки... Впрочем, это мелочи, главное – дошли и нашли. И очень быстро выяснили два момента. Во-первых, толковых разведчиков среди окруженцев нет. Во-вторых, в противодиверсионных мероприятиях кто-то среди них разбирался неплохо. Во всяком случае, Громова со товарищи смогли и обнаружить, и незаметно окружить. Хорошо еще, стрелять раньше времени не начали. Но все же удар по самолюбию старого вояки нанесли изрядный.

Но то, что их обнаружили и едва не повязали, было, откровенно говоря, не самым главным. Даже по мнению Громова. Куда важнее, на его взгляд, выглядело мнение соседей о перспективах дальнейших контактов. Проще говоря, командир окруженцев, тоже, кстати, полковник, в ультимативном тоне потребовал, чтобы группа Мартынова безо всяких условий вставала под его командование. И аргументировал он это тем, что их, во-первых, больше, а во-вторых, что они – сохранившая управление и структуру кадровая часть, а не собранный непонятно где и как сброд. Так и сказал – сброд. И, естественно, на слова о том, что их действия опасны, по-

сколько демаскируют всех, ответил исключительно матерно. Боги не услышат мольбы о помощи – зато услышат вопли ярости. То ли сам родил, то ли процитировал, умник. Впрочем, Мартынов, услышав это, с усмешкой фыркнул: «Плагатор!», что наводило на определенные мысли.

Вот такие соседи. Правда, стоило признать, их и впрямь оказалось больше. Раз этак в несколько – по словам Громова, не менее пятисот человек, и большинство в самом деле из кадровых. Раненых, кстати, тоже изрядно, что для активно воюющей части скорее норма. Понтов выше крыши, и считают пришедших сюда тихонечко, стараясь не нарушать тишину топотом сапог, коллег едва ли не военными импотентами. Овощами, так сказать. Ну, если вас назвали овощем, не обижайтесь сразу. Вначале выясните, вы крутой перец или старый хрен. Именно так высказался Игнатьев, и полковник лишь одобрительно кивнул и приказал ускорить работы по ремонту техники. Будут еще контакты с этими умниками – вопрос открытый, но в любом случае лучше встречать предстоящие неприятности во всеоружии.

Посланцы от Коврова, именно такую фамилию носил свежесобраненный полковник, явились ближе к вечеру. Лейтенант, классический такой, как с плаката, хотя видно, что жизнь его капитально пообтесала. Во всяком случае, щеки ввалились, да и форма истрепанная. С ним вместе трое солдат, внешностью соответствующие командиру. Но тем не менее видно, что форма чистая, все четверо выбриты – кем бы

ни был Ковров, дисциплину он среди своих людей поддерживать умел. С тем, что рассказал Громов, это билось один в один.

Мартынов вышел их встречать в сопровождении верных сподвижников. Шутя предупредил, что посланники могут быть неадекватными и полезут драться. В этом случае надо вести себя гостеприимно. «И запомните: никакой агрессии. Бейте их с улыбкой». Но смех смехом, а до крайностей и впрямь могло дойти. Вряд ли сегодня, однако же тот факт, что чужие могут оказаться намного опаснее врагов, еще никто не отменял. В истории, в том числе и этой войны, хватало прецедентов.

При появлении высокого начальства лейтенант поднялся – не вскочил, а именно поднялся на ноги, очень спокойно и неторопливо, но быстро. Опытный, ни одного лишнего движения. И – это не укрылось от внимания Хромова – кобура на ремне была расстегнута, потертая рукоять нагана торчала ровно настолько, чтобы оружие можно было выхватить легко, в одно движение. Война быстро учит... Рядовые остались сидеть, лейтенант же четко, как и положено по уставу, представился, оказавшись счастливым обладателем банальнейшей фамилии Иванов, достал из планшета письмо отца-командира и с некоторой долей торжественности протянул его полковнику.

– Вы садитесь, садитесь, – добродушно прогудел Мартынов, аккуратно разворачивая бумагу. – Вас кормили?

Лейтенант отрицательно качнул головой и непроизвольно дернул кадыком. Голодный значит. Но молчит – гордый. Что же, внушает уважение.

– Пройдемте, лейтенант, – Мартынов закончил читать, усмехнулся. Знающим его от этой усмешки стало немного не по себе. – Посидим, пообедаем, обсудим. Не волнуйтесь, ваших людей не забудут. Сергей...

– Так точно! – Хромов повернулся, коротко свистнул. Через какие-то пару секунд рядом, будто из ничего, материализовался Селиверстов.

– Накормите... гостей. А дальше посмотрим. И, лейтенант, не держитесь так напряженно. Во-первых, ничего вам не грозит, а во-вторых, оружие вы, если что, все равно выхватить не успеете.

Иванов побледнел, чуть заметно сузив глаза, но руку к кобуре не дернул, выдержка на высоте. Мартынов одобрительно кивнул:

– Мой зам по разведке иногда бывает излишне прям, но он прав – вам нечего бояться. Хотя... Вы знаете, что в письме? Тогда я вас понимаю. Тому, кто это писал, я бы лицо набил, да...

– Спокойно, парень, – Игнатьев, шагнув вперед, дружелюбно, но увесисто хлопнул лейтенанта по плечу. – Акула нападает только на мокрых людей.

– Это вы к чему?

– Ни к чему, просто хорош потеть. Мы не людоеды. По-

шли давай, а то комары жрут... Все-таки Ной – скотина, кто ему мешал пристукнуть на своем ковчеге всех кровососов? Там и было-то каждой твари по паре.

Надо признать, вовремя сказанная шутка очень способствует разрядке обстановки. Все непроизвольно заулыбались, даже непривычный к юмору будущего Иванов. В общем, контакт потихоньку налаживался.

Лейтенант наворачивал немудреное угощение так, что за ушами трещало. И каша, щедро приправленная салом, и то же сало, но отдельно от прочего, и пироги. Ну и сто грамм, разумеется, куда же без них. Остальные сидели, неторопливо прихлебывая чай, и никак не выражали своего нетерпения – им и в самом деле спешить было некуда. Единственно, ознакомились с письмом. Кто как, а Сергей мысленно расхохотался. Все же Ковров был преисполнен самомнения по самые гланды. И лишь когда Иванов закончил насыщаться и тоже взял в руки кружку, полковник небрежно бросил письмо на стол и выдал:

– Нет, я вам точно говорю: погубит нас всеобщая грамотность. Кстати, не я это сказал.

– А кто? – поинтересовался Хинштейн. Не то чтобы его это интересовало, но оставаться в тени и не влезть претило его натуре.

– Какой-то адмирал, фамилию сейчас не вспомню. Но суть не в этом. Просто, – он повернулся к Иванову, – ваш

командир, товарищ лейтенант, не вполне адекватен. И знания, которые дали ему, не скрою, вполне приличные, стали заменять Коврову мозги. Во всяком случае, у меня сложилось именно такое мнение.

Лейтенант ухитрился сохранить внешнее спокойствие, хотя от Сергея не укрылось, как дернулась его левая щека. Аккуратно отставив кружку, он вежливо спросил:

– Поясните, товарищ полковник.

Вообще-то, лейтенанты полковникам вопросы не задают, но все же у Иванова сейчас был несколько специфический статус. Официальный представитель командира, как-никак. Именно поэтому Мартынов снизошел до ответа, не рискуя вызвать подозрений:

– Вы с содержанием письма знакомы?

Лейтенант кивнул. Да что там знакомиться. Полстраницы крупным почерком. Если кратко – требование немедленно прибыть и встать под командование полковника Коврова. Со всеми, так сказать, чадами и домочадцами. В общем, глупости. Те же, что и вчера.

– Это хорошо, что не надо объяснять хотя бы это. Итак, вы сидите в глубокой... гм... заднице и имеете наглость что-то требовать.

– Мы...

– Я бы на вашем месте помолчал и дал старшему по званию договорить. Лейтенант, у вас нет продовольствия. Почти нет боеприпасов. Куча раненых – и нет врача. Я что-то

упустил? И при этом вы требуете от нас подчинения. Х-ха!

– У вас такая хорошая разведка? – скептически приподнял бровь Иванов. Он держался хорошо, даже чересчур. Во всяком случае, для обычного пехотного, судя по петлицам, лейтенанта.

– Ну что вы, – усмехнулся Мартынов. – Все намного проще. Логика. Начнем с того, что вы голодный. И ваши солдаты тоже. Учитывая, что, зная маршрут, идти сюда не более двух... ну ладно, делая скидку на косолапость, трех часов, вы просто обязаны были проголодаться. Но не до такой степени, как сейчас. Вывод? А он прост. Вы отправились в дорогу голодными. Ну, или позавтракав совсем чуть-чуть, разница невелика. Полагаю, это может говорить лишь об одном – у вас просто нечего есть. Зверье от войны разбежалось, а собственные припасы вы подъели.

– Допустим...

– Можете не допускать, это все равно ничего не изменит. Далее. У вас есть раненые, и их немало. И один из пришедших с вами в том числе. Ранение в левую руку, навывлет. Мелочь. Но наш доктор сразу же оказала ему медицинскую помощь – так, на всякий случай. По ее словам, дырку он заработал три-четыре дня назад. Перевязка сделана грубо и непрофессионально, бинты не меняли, рана не загноилась лишь благодаря отменному здоровью бойца. Но зажиwała все равно паршиво. Если у вас не смогли сделать нормальную перевязку в течение нескольких дней, стало быть,

делать просто некому. У вас есть солдаты, владеющие простейшими навыками оказания первой помощи, но сколько-либо профессионального медика не наблюдается. Я прав?

– Да, – было видно, как непросто дались Иванову эти слова.

– Ну а с боеприпасами голая логика. Обоза у вас нет, стало быть, и патроны только те, что с собой унесли. В последнее время вы достаточно активно вели боевые действия. Победоносно вели. Только немцев положили, насколько я знаю, менее полусотни человек. Судя по всему, до того занимались тем же самым. Стало быть, расход боеприпасов более чем приличный, и трофеями он вряд ли перекрывается. И вывод прост: сколько-то патронов у вас есть. На один средней интенсивности бой, я полагаю. Итак, ваше слово?

– У вас железная логика, – криво усмехнулся лейтенант.

– Да нет, логика как раз простейшая. Итак, с одной стороны крупное соединение... в плачевном состоянии. С другой – мы. Нас заметно меньше, но зато есть и продовольствие, и врач с лекарствами, и боеприпасы. А еще танки, артиллерия и транспорт. И, поверьте, куда более серьезный, чем у вас, боевой счет. Нет, вы как хотите, но кто к кому присоединяться должен, лично для меня вопрос даже не стоит. И, добавлю, я не всех возьму, мне нужны исполнители, которые не будут умничать, а не возомнившие о себе невесты что орлы... из тех, что деревья клюют. Так и передайте. Кстати, кто вы по званию? Контрразведка?

– Погранвойска. Капитан. Опять логика?

– Поведение не соответствовало кубикам в петлицах, да и возраст тоже. Вы сумели так ловко обнаружить нашу разведку?

– Было дело, – судя по чуть заметной улыбке, скользнувшей по губам погранца, это воспоминание проходило по ряду приятных. – Эти ребята, конечно, работали грамотно, однако же порой контрабандисты такое выдумывают, что по сравнению с ними ваши разведчики – жалкие престижираторы. Вы уж не обижайтесь...

– На правду не обижаются, – махнул рукой полковник. – Справились – честь вам и хвала. Кстати о птичках, лично вас бы я взял, тем более несколько ваших коллег у нас имеются. Но об этом поговорим, я думаю, позже. А пока сделайте милость, передайте Коврову мой ответ. Удачи...

– Психологически тем легче быть вежливым на дороге, чем лучше у тебя машина, – заявил Игнатьев, влезая в башню. – А самая лучшая машина – это, конечно, танк.

– Это точно, – отозвался Хинштейн, уже занявший свое место и проверяющий, как действуют механизмы. Привычка, что поделатъ. Когда хочешь выжить, некоторые полезные навыки приобретаются очень быстро. – Кстати, самый дешевый танк стоит дороже самого навороченного лимузина. Серега, ты скоро там?

– Уже, – Хромов рыбкой нырнул в лобовой люк, ужом из-

вернулся и – оп! Вот он уже и на месте. Еще пару месяцев назад и подумать не мог, что будет способен на такой акробатический трюк, а сейчас не считает его хоть каким-то достижением. Война – хороший учитель. – Довезу вас в лучшем виде. А там устроим саммит на высшем уровне, поговорим, сфотографируемся...

– Фотографироваться с конкурентами можно только после контрольного выстрела, – ухмыльнулся сверху Игнатев. – Где наш генералиссимус?

– Я все слышал, – заметил Мартынов, ловко забираясь на броню. – Заводи, поехали.

– А внутрь не полезешь? – Сергей наполовину высунулся из люка, с интересом посмотрел на командира.

– Что я там забыл? Тесно, плохо видно и гремит все, еще и бензином⁵ воняет. Поехали давай.

– Сейчас. Васильич! Что у тебя там?

– Старшой, – Громов материализовался будто из воздуха и говорил шепотом. – Селиверстова нет.

– И куда он делся?

– В город с вечера рванул.

– Это я знаю. Что, еще не вернулся? Я ж сказал, к восьми – как штык!

– Нет.

– Дятел, – беззлобно констатировал Сергей. – Ладно. Доложить придется, но... Я отпустил – мне и каяться. Скройся

⁵ Историю захвата танка и его конструктивные особенности см. в книге «Т-34».

с глаз, Николай Васильевич, а то попадешь командиру под горячую руку...

В следующие несколько минут Хромов узнал о себе много нового, интересного и не слишком цензурного. И, главное, обижаться было не на что, каждое слово – правда. А он, Сергей, идиот, хотя бы потому, что фактически разрешил подчиненному свалить в самоволку, что по закону военного времени равносильно дезертирству. Вот так!

Хромов стоял, обтекал смиренно и чувствовал себя конечным придурком. Ну, подошел к нему Селиверстов, попросился... Гормоны играют, дело-то молодое, и Хромов его понять вполне мог. А Селиверстову та девчонка в городе очень уж приглянулась. По-хорошему, стоило бы с Мартыновым посоветоваться. Вот только, сомнения нет, послал бы их обоих полковник далеко и надолго. Ну и разрешил на свой страх и риск. Идиот! Теперь оставалось лишь переживать взбучку – кругом прав Мартынов, чего уж там. Им ехать, с Ковровым разговаривать, а у самих черт знает что творится. Не смертельно – однако же ой как неприятно. В общем, стоял, потирал искусанную гнусом щеку, старательно думал о том, что когда бреешься, надо держаться поближе к бритве, и переживал буйство стихий, которое грозило затянуться надолго.

Неизвестно, сколь долго продолжалась бы выволочка – фантазия у Мартынова была ой какая богатая, а словарный запас еще круче – но ситуацию резко поменял вновь появив-

шийся Громов. И явился он не один – с легким удивлением Сергей обнаружил рядом с ним мальчишку, того самого пацана, который не так давно увел семью из захваченного немцами города.

– Кто это? Как сюда попал? – резко, может, даже слишком, поинтересовался Мартынов.

Пацан аж попятился, наткнулся спиной на Громова и быстро-быстро заговорил:

– Саня я, Горюнов. По следам за вами пришел. Еще когда вы немцев побили. Я лес знаю...

Он действительно оказался талантливым мальчишкой, и не только в знании языков. Как ни крути, чувствовать себя в лесу, как дома, для городского пацана редкость. Пускай даже город тот... Слезы, а не город. Все равно не в средневековье живем, когда человек в лесу на уровне инстинктов себя чувствовал. И он тогда прошел следом. Зачем? Да кто ж их, пацанов, разберет. Интересно ему стало, видите ли. Зато сейчас знание места, куда следует бежать, ой как пригодилось. А все потому, что Селиверстов попал в настоящий переплет.

В общем, немцы. Ну, можно было ожидать. И появились они в городе ночью, как раз когда герой-любовник находился в городе. Нюансов парнишка не знал, видел лишь, как основательно побитого красноармейца волокли по улице. Зато успел оценить количество людей (очень много), а также техники. С этой дело обстояло куда более детально. Кроме грузовиков, которые пацан не считал, четыре танка и столь-

ко же бронетранспортеров, плюс мотоциклы. Похоже, немцы сделали выводы из исчезновения мобильной группы и твердо вознамерились навести порядок на занятой территории. Влип Селиверстов. И местные тоже влипли – за гибель своих немцы с них обязательно спросят. Сами виноваты, конечно, время уйти в лес у них было. И все равно как-то нехорошо вышло.

Эти мысли проносились в голове скомканными, малосвященными и совершенно бессмысленными в данной ситуации обрывками. Решение же Хромов уже принял, ни секунды не раздумывая и лишь каким-то вторым слоем мыслей понимая, что еще пару месяцев назад оно было бы совсем иным. Впрочем, это уже неважно. Хлопнув мальчишку по плечу, он бодро выдал:

– Молодец, Саня Горюнов, от лица Красной армии выражаю тебе благодарность. А сейчас дуй на кухню, там тебя покормят. Есть-то хочешь, небось?

– Ага... Товарищ командир, а можно мне...

– Что именно? – удивленно посмотрел Сергей на внезапно замявшегося мальчишку. Надо же, через лес ночью идти не боится, а вопрос задать ему страшно. – Говори, говори, я детей не ем.

– А можно мне пистолет?

– Можно. Васильич! Дай ему наган, у тебя их в загашнике до черта.

Громов молча кивнул и нырнул в стоящий практически

рядом бронетранспортер с тем, чтобы через пару секунд вытащить из него потертую, но добротную кобуру с револьвером. В другой руке он держал коробку с патронами. Наблюдавший за этим действием Хинштейн уронил челюсть едва не до пупа:

– Серег, ты что делаешь?

– То, что должен. Парень нам помог – значит, и награда ему должна быть.

– Но он же совсем мальчишка!

– Он умнее и старше, чем кажется. Может, не физически, но с мозгами у него все в порядке. Ладно, я пошел.

– Куда?

– Селиверстова вытаскивать. Вы езжайте, договаривайтесь, а мы двинем. Это – мой человек, и...

– Я с тобой, – Игнатьев подхватил за ствол МГ⁶, в его лапищах кажущийся совсем небольшим, и решительно двинулся к Хромову.

– Угу... Стоять, придурки, – Мартынов зло помассировал виски. – Все вместе двинем. Подождут разговоры. По машинам! А ты, – тут полковник раздраженно потряс кулаком у самого носа Хромова, – идиот дважды. И когда людей отпускаешь, и когда в одиночку всюду лезешь. Запомни, в словах танкист и разведчик нет буквы «я». Что встали? В танк, мать вашу...

⁶ Немецкий пулемет МГ-34. Один из первых единых пулеметов.

Сегодня город казался даже более тусклым, чем в прошлый раз. Наверное, так действовала царившая в нем атмосфера. Тогда город казался ошарашенным, сейчас же – испуганным до жути, как избитый, забившийся в угол пес, отчаянно пытающийся сообразить, что же с ним сделают дальше.

Немцы были всюду. Навскидку под две сотни человек. А еще полицаи – этих умников, похоже, сюда пригнали для грязной работы, и было их не меньше трех десятков рыл. Оперативно фрицы работают, ничего не скажешь – такое количество предателей надо отыскать, мобилизовать, вооружить, организовать да еще и сюда доставить. Разумеется, как боевые единицы этот сброд стоит немного, однако же и во все сбрасывать их со счетов не стоило. Как минимум двойное превосходство у врага... Но у группы Мартынова оставалось преимущество внезапности и, что немаловажно, первого удара. Еще посмотрим, кто лучше танго пляшет.

– Васильич, ты только аккуратнее, – в сотый, наверное, раз прошептал Хромов. Учитывая, что разведчики уже ушли, это было, наверное, малость глупо. Еще хуже, что Мартынов командирским произволом запретил Сергею идти с ними. Оставалось наблюдать за происходящим в бинокль, радуясь качеству трофейной оптики. – Только аккуратнее...

Наблюдать за Громовым было одно удовольствие. Разведчик не пытался изображать ниндзя или там человека-невидимку, как персонажи еще не снятых здесь боевиков, но и без того отследить его движение было невероятно сложно.

Вот он есть — а вот его уже и нет, и где он появится — угадать сложно даже Сергею, достоверно знающему, куда и зачем Громов идет. А не зная... В общем, у немецких часовых, не пограничников-особистов, а обычных, ничем не примечательных солдат, шансов просто не было.

Раз! Позади одного из солдат на миг возникает не человек даже — тень... Два! И уже только слабо подергивающиеся ноги в изрядно стоптанных узких сапогах уползают куда-то за угол. Еще минута — и второй немец, заинтересовавшийся, куда это делся его напарник, вдруг сгибается пополам и уползает следом. Точно так же, бесшумно и неумолимо, исчезли еще четверо, и в голову Сергея закралась мысль о том, что дай старому разведчику волю — так он и в одиночку положит всех здесь собравшихся. Джеймс Бонд отдыхает, в общем.

Однако Громов не стал доводить расклады до абсурда. Просто из-за домов метнулись к аккуратно, словно по линейке, стоящим на улице танкам такие же, как он, серые тени. Не зря, ох, не зря натаскивал он на привалах молодняк. Лишь опытный и тоже приложивший к процессу руку Мартынов, да Хромов, не только дающий красноармейцам основы рукопашного боя, но и тренирующийся вместе со всеми, могли разобраться в происходящем. А еще признать, что бывший белый офицер сотворил маленькое чудо, за столь ничтожный срок ухитрившись подготовить боеспособное разведывательно-диверсионное подразделение. Которое сейчас

доказывало, что не зря ест свою кашу с мясом.

Синхронности их действий можно было только позавидовать. Экипажи двух немецких танков буквально срубило автоматным огнем в упор. В третьем один уцелел и, продемонстрировав невероятную реакцию, рыбкой нырнул в люк, но боец, не успевший его убить, моментально исправил оплошность. Прыжком запрыгнув на броню, он сунул в командирский люк ствол автомата и выпустил весь рожок. С четвертым танком фокус не прошел, кто-то из экипажа был внутри и уже начал разворачивать башню, но Хромов повторил маневр товарища. Разве что вместо автоматной очереди отправил внутрь танка гранату и, кубарем скатившись с брони, метнулся под защиту ближайшего дома. Граната гулко хлопнула внутри – и из танка вдруг потек жидкий огонь. Похоже, огнеметный, успело мелькнуть в мозгу Сергея, и в этот момент полыхнуло по-настоящему, видимо, рванул боезапас...

Но эффектнее всего сработал, как и стоило ожидать, Громов. С невероятной скоростью пробежав открытое пространство, отделяющее его от бронетранспортеров, он походя метнул гранату в кузов ближайшего и буквально запрыгнул на капот второго. Раз! И вот он уже на кабине, разрядил автомат в находящихся в боевом отделении солдат, а затем прыгнул в только что им же организованный филиал скотобойни, укрываясь за броней. Очень вовремя – как раз взорвалась брошенная им граната.

Все действие заняло несколько секунд, не более. Немцы да-

же не успели ничего сообразить, а уже остались практически без бронетехники. Только бронетранспортеры, что стояли на площади... И это притом, что веселье только начиналось.

Быстрее молнии оказавшись на своем месте, Хромов ухватился за рычаги, и двигатель, до того ровно гудевший на холостых оборотах, протестующе взвыл. С этим ревом они и вломились в город, где как раз кипел нешуточный бой.

Немцы оказались неробкого десятка, да и взрывы с пальбой мимо ушей не пропустили, а потому вломились на улицу, где частью горела, частью осталась без экипажей их бронетехника, махом. Там же они и попали под сосредоточенный огонь двух пулеметов из окон, одного с захваченного броневика и еще одного из танка. Пошлая «единичка», насквозь устаревшая для фронта, здесь и сейчас оказалась на высоте, и два пулемета из ее башни работали очень даже бодро. На большее, увы, у Громова не было людей на остальную технику, разведчик и сам не ожидал такого успеха. Впрочем, и того, что было, оказалось достаточно, свинцовый ливень прижал опрометчиво рванувших вперед и попавших в огневой мешок немцев к земле. И, для полноты ощущений, изрешетил неосмотрительно сунувшийся в него же бронетранспортер.

Немцы опомнились быстро и даже смогли определить, что противников немного. Возможно, они сумели бы переломить ситуацию, банально обойдя разведчиков, но времени им попросту не дали. Фрицы даже не обернулись на рев мо-

торов, справедливо полагая, что здесь, далеко в тылу, попросту не может быть вражеской бронетехники. Впрочем, идущие первыми трофеи и не вызвали бы у них подозрений. А потом стало уже слишком поздно, и классическая ловушка с окружением и последующим уничтожением численно превосходящего врага захлопнулась.

Нет, фрицы не сдались сразу, они попытались организовать что-то похожее на оборону, однако это довольно сложно осуществить. Тем более когда тебя в упор расстреливают семидесятипятимиллиметровые «окурки» немецких же танков, изначально предназначенные для борьбы с пехотой, лупят пулеметы, со всех сторон быстро замыкает кольцо опытная, сработавшаяся пехота, а экипаж последнего уцелевшего бронетранспортера порскнул от своей машины быстрее зайцев. В общем, хотя немцев было много, противопоставить атакующим им оказалось нечего.

История повторялась в виде фарса. Совсем недавно пара танков и рота пехоты ухитрились брать в плен целые батальоны, а то и полки Красной армии. Сейчас же произошло в точности до наоборот, и уже немцы, сообразив, что еще немного – и их намотают на гусеницы, бросали оружие, сдерживали с голов шлемы и тянули руки вверх. Вот оно, превосходство более мотивированных, лучше вооруженных, подготовленных и инициативных солдат над серой массой. Немцы встретить такого противника банально не ожидали. И результат получился соответствующим. Разгром был полный.

Конечно, не все фрицы были здесь, кое-кого пришлось еще часа три отлавливать, частым гребнем прочесывая дворы и сараи, но это уже были мелочи.

Вот чем хороши немцы, уже в который раз думал Сергей, шагая мимо импровизированного лагеря военнопленных, под который пришлось выделить всю площадь, так это дисциплиной. Наши бы попытались буйствовать, а то и бежать, эти же спокойные, как удавы. Попал в плен – стало быть, отвоевался. Сиди и не чирикай, да слушайся приказов – и будет тебе счастье. Железная логика, хоть и непривычная.

Полицаев разместили отдельно. Эти вначале пытались заговорить с конвоем, но тут же обнаружили, что запросто могут огрести прикладом по горбу, и заткнулись. Да и уцелело их человек десять всего – немцы не старались беречь своих шестерок, а русские не жаждали брать их в плен. Все закономерно.

Возле этих «недопленных» как раз сейчас и находились Игнатьев, что-то лениво вырезающий тонким острым ножом из кривого сучка, и полковник Мартынов. Предводитель их отряда сидел на скамье, привалившись спиной к теплым бревнам стены внушительного двухэтажного дома, и, казалось, дремал. Тем не менее, когда Сергей подошел, глаза полковник открыл моментально и сухо приказал:

– Докладывай.

– Убитых нет. Раненых двенадцать, из них четверо тяжело, но Светлана Александровна говорит, выживут все и даже калеками не останутся. Боюсь, она чрезмерно высокого мнения о возможностях антибиотиков.

– Отставить словоблудие.

– Есть отставить. Пленных восемьдесят два человека, из них немцев семьдесят, полицаев двенадцать. Офицеров двое, оба лейтенанты. Командовал группой майор Зельц, но его разорвало снарядом в клочья, только по погону и опознали...

– Не грузи подробностями, продолжай.

– Слушаюсь. Захвачено танков – три, две «единички» и «двойка», один бронетранспортер. Семь грузовиков, все «опели», одна легковая. Парни говорят, «хорьх». Это что, кстати?

– В будущем это назовут «Ауди».

– Понятно... В принципе, все. Трофейное оружие пересчитывают еще, там все стрелковое, в основном винтовки. Патронов тоже хватает, но точно... – Сергей лишь пожал плечами.

– Ясно. А как твой...

Фамилию он не назвал, однако и без того стало ясно, о чем речь. Хромов пожал плечами:

– Отделался синяками. Правда, во все тело. Оторвались на нем качественно, но аккуратно.

– Как же он, герой-любовник, в плен-то попал? – усмех-

нулся Мартынов. Очевидно, доклад вернул ему благодушное расположение духа. – Ты ж говорил, он у тебя вроде как лучший.

– Лучший – Громов, остальным до Васильича как до Луны задним ходом. Ну а парня баба сдала. Как говорится, все зло от них.

– А подробнее? – Мартынов уселся поудобнее и с интересом посмотрел на Сергея.

Тот пожал плечами:

– Да чего там подробнее. Он ее как раз на сеновале то ли окучивал уже, то ли еще склонял к разврату, я не уточнял. А тут немцы. Опять заложников брать. Ну и, когда ее отца потащили, она из дома выскочила и заорала, что знает, где русский, только и всего.

– Где русский... А она сама что, не русская?

– Нет, будешь смеяться – еврейка.

– Идиотка?

– Да нет... Понимаешь, Александр Павлович, репрессии сюда еще не докатились, и они, такое чувство, не верят, что их скоро будут убивать.

– Ну-ну... И как тебе это чудо?

Хромов задумался. Что сказать, он, откровенно говоря, не знал, подивившись вкусу подчиненного. Более всего, пожалуй, напоминала девушка какую-нибудь звезду гламура из родного времени. Разве что волосы в блондинку не окрасила, а так – один в один. Личико ровненькое, взгляд пустой.

Губы... Да, губы шикарные. Можно сказать, трудовые мозоли, а не губы. А задница... Могучий плацдарм для приключений, любая еврейка позавидует. Хотя она и так еврейка... В общем, черт знает что, даже Альберт малость охренел, когда увидел.

Выслушав его комментарии, Мартынов лишь хмыкнул:

– Любовь зла – полюбишь и сам знаешь кого.

– Но она ж дура!

– Бывает. Не она одна, кстати. Я слышал, кое-кто из них фрицев хлебом-солью встречал.

– Да ну!

– Ну да, – передразнил его командир. – Не все и даже не многие, однако же – было.

– В России две беды, – задумчиво прокомментировал Сергей, – дураки и дороги. Я знаю, что делать с одной – побольше асфальта, щебня, песка, тяжелой техники и бригаду профессионалов. Но с дорогами-то что делать?

Мартынов, окончательно переставший хандрить, расхохотался, но тут же посерьезнел:

– Ты лучше на эти рожи посмотри. И скажи, что с ними делать.

Хромов посмотрел. Да уж, рожи были что надо. Широкие такие, добротные. Хорошо наетые, как и положено представителям внутренних органов. Интересно, где фрицы таких уродов в помощь набрали. Зевнув, он махнул рукой:

– Да расстрелять их на хрен.

– Думаешь?

– А чего церемониться? – удивился Сергей. – Толку от них никакого, один лишний геморрой. Да и по законам военного времени положено. Вон, сам посмотри, – он ткнул пальцем в ближайшего, толстого мужика поперек себя шире, – у этого задохлика вполне себе призывной возраст. А значит, какой вывод делаем? Перед нами дезертир, а их положено в расход...

– Я не дезертир, – как-то по-бабьи тонко взвизгнул полицейский, хотя его никто, в общем-то, не спрашивал.

Однако Мартынов с удивлением приподнял бровь:

– Слышь, ты, утконос-недоносок! Хорош врать-то.

– Товарищи, дорогие...

– Тамбовский волк тебе товарищ, – на автопилоте отозвался Сергей.

Однако Мартынов остановил его:

– Не дезертир, говоришь?

– Нет! – полицейский, видимо, решил, что имеет шанс отбрезаться, и говорил часто-часто. – Меня не призывали.

Мартынов встал, подошел к полицейскому, некоторое время смотрел на него сверху вниз, а затем ласково-ласково (у знающих полковника чуть получше от этого тона по спине побежали мурашки) спросил:

– А теперь объясни, дятел, почему тебя не призывали? И не вздумай мне врать, что не было времени – точно знаю, ваш район немцы только через три недели заняли, мобилизация

там пройти успела. Ну!

– Я... Это... Грудная жаба у меня.

– Грудная жаба – это что? – повернулся Мартынов к Игнатьеву.

Не то чтобы он ожидал ответа, но второй представитель старшего поколения в их группе был, как выяснилось, человеком начитанным. Повертел в пальцах результат работы – фигурку русалки, очень... гм... реалистично выполненную, с внушающими уважение формами. Свистнул какого-то пацана из крутившихся вокруг, торжественно вручил ему произведение искусства, вызвавшее у неизбалованного подобными игрушками представителя юного поколения восхищенный вздох, после чего соизволил ответить:

– Стенокардия, – лениво отозвался он. – Сердце.

– Да? На этом кабане можно поле вспахать.

– А давай я ему сейчас с трех ударов рожу отпигментирую, – влез Хромов. – Будет синий-синий, и болячке начнет соответствовать.

– Не стоит мараться... Ладно. Предлагаю его повесить. Ильвес, возьми бойцов и вздерните это дерьмо.

Курсант появился словно из-под земли, вот его нет – а вот он уже тут как тут. Молча козырнул и, ухватив полицая за шиворот, поволок его прочь, но был остановлен командным голосом полковника:

– Стоять! Куда пошел?

– Дерьмо вешать... – недоуменно ответил Ильвес.

– Этих, – небрежный жест в сторону оставшихся полицаев, – тоже. Говорю же, возьми бойцов. И местных припаши, чтоб прочувствовали. Задача ясна?

Курсант вновь козырнул, и усмешка на его лице не предвещала для полицаев ничего хорошего.

– Жестко ты...

– Игорь, – Мартынов с силой хлопнул Игнатьева по плечу. – Я этих клопов намерен давить... У него грудная жаба... В моей семье на фронт ушло шестеро только по линии матери. Вернулся один. В груди три осколка, от чего он всего-то лет через пять и умер. А ведь они были крепкие, сильные, здоровые... Умерли, чтобы жили вот эти, с жабами? Не-ет, – он погрозил указательным пальцем куда-то в пространство, – не должно так быть...

А ведь он с трудом себя контролирует, сообразил Хромов. Не тот уже возраст для веселых прогулок. Устал, похоже, нервы сдают... Полковник же, несколько раз глубоко вздохнув, будто выплюнул:

– У немцев есть такое понятие – недочеловеки. Унтерменши. Так вот, немцы – правы. Только деление должно быть не по расовому признаку. А вот тот, кто предал свой народ – вот он недочеловек, и без разницы, какой у его рожи интерьер с экстерьером.

– Это ты прав, Александр Павлович, – Сергей проследил глазами за тем, как бойцы, словно того и ждали, в прямо-таки нереальном темпе весело накидывают веревки на подхо-

дящие по толщине и прочности ветки ближайших деревьев, и спешно перевел разговор на другую тему. – Сейчас почистим генофонд. Хрен с ними, не стоит обсуждать мертвецов. Ты мне скажи, что это? Я в «двойке» целую коробку нашел.

Мартынов повертел в пальцах круглый пластмассовый тубус вроде тех, в которых через полвека будут упаковывать таблетки быстрорастворимого аспирина, и непонятно хмыкнул:

– Первитин. Однако я всегда считал, что это больше по разряду легенд.

– Первитин – это что?

– Наркотик. Достаточно тяжелый, вызывает быстрое привыкание. Но взамен дает бодрость, подавляет необходимость во сне, работоспособность бешеная... Вроде бы еще подавляет страх, но этого точно не помню. Нажрешься – и несколько суток будешь переть в танке, не зная усталости. Кое-кто считал, что именно благодаря этому немцы и справились так легко с Францией, поддерживая темпы наступления, которые ни с какой теорией не согласовывались. В общем, сохрани – баловаться с ним не стоит, но как средство последнего шанса может и пригодиться.

– Гм, – Сергей подумал, кивнул. – Пару упаковок оставлю, остальное нашей медичке отдам.

– Добро, – кивнул полковник. Судя по виду, он практически успокоился, и, закрепляя успех, Хромов спросил:

– Скажи... А то, что ты про Фрунзе и армян говорил –

правда?

– Откуда я знаю. Просто встречал эту версию и не нашел в ней особых противоречий.

– А как же интернационализм? Он вроде бы тогда был в почете.

– Ага. И верили в него в основном русские, – досадливо поморщился Мартынов. – Как оказалось, напрасно. А что?

– Просто интересно.

– Ну, раз интересуешься, приходи вечером. Я тебе такого понарасказываю – Рен-ТВ от зависти умрет. А главное, в отличие от звездундов, все будет правдой.

– Заметано, – Сергей встал. Похоже, нехитрый трюк удался. – Ладно, пойду, посмотрю, как там Альберт трофеи инвентаризирует. А то сам знаешь, не уследишь за ним – так он танк налево толкнет и скажет, что так и было.

– Давай, – рассмеялся полковник. – Вдруг что интересное найдешь...

– Товарищи командиры!

Вся троица дружно обернулась на голос и обнаружила быстро хромающего в их сторону человека, одетого так, как положено сельской интеллигенции. Небогато, но чистенько, и на лице полная адекватность – этим он отличался от современников Хромова, причем в лучшую сторону. Лет сорок пять или чуть более. Не дойдя до них, интеллигент остановился и вежливо поинтересовался:

– Товарищи командиры, я могу поговорить со старшим?

– Можете, – кивнул Мартынов. – Слушаю вас.

– А...

– Это мои заместители, у меня от них секретов нет. Капитан Игнатьев, лейтенант Хромов...

Оказавшись командирским произволом в офицерском чине, Сергей лишь усмехнулся мысленно. Игнатьев не выказал и намека на удивление, а гость и вовсе отнесся к происходящему как к должному. Вежливо кивнул и представился:

– Калмыков, здешний учитель.

– Один-единственный? – весело поинтересовался Сергей.

– Из мужчин – да, – серьезно ответил Калмыков. – На фронт не взяли. Нога, – он зло хлопнул себя по едва сгибающемуся колену. – Еще в Гражданскую...

– Бывает. И что же вы нам хотите сказать?

– Может, пройдем ко мне?

Сергей подумал, что это и впрямь неплохой вариант. Лучший, во всяком случае, чем торчать на улице. Тем более основное сделано – трофеи учтены, посты выставлены, бойцы при деле и каждый знает свой маневр. Очевидно, полковник пришел к этому же выводу, поскольку махнул рукой и, сказав «А, пойдемте», первым двинул вслед за шустро хромящим интеллигентом. Остальные потянулись следом.

Обстановка в доме Калмыкова практически точно соответствовала представлению Сергея о том, как жили учителя этого времени. Сам дом просторный, добротный, из слегка

потемневших от времени бревен. Второй этаж цветом чуть отличается – явно надстраивали позже. Сразу видно, дом построен не вчера, но, судя по тому, что окружающие дома куда темнее, не в седой древности. Когда-то, общаясь с одной... гм... девушкой, имевшей честь украшать своей фигурой (лицо было весьма средненькое, а вот ножки с талией очень и очень) строительный факультет их вуза. Так вот, она говорила, что дерево как стройматериал при должной обработке спокойно выдерживает лет сто, а то и больше. Этому дому было лет? Может, двадцать на вид и, когда Сергей поинтересовался, то получил утвердительный ответ. Восемнадцать – как пришел хозяин с войны да чуть освоился на новом месте, так и начал строиться.

Чистота, порядок, некоторый аскетизм – ну да в этот период с мебелью у людей дело вообще обстояло не то чтобы очень шикарно. Зато на стенах карты, плакаты – хозяин учительствовал, преподавал недорослям географию, биологию, химию и, как ни странно, астрономию. Такой вот универсал. И, судя по всему, справлялся с задачей неплохо, да и наглядные пособия ничуть не уступали тем глянцевым произведениям искусства, что позже будут выходить из недр сверхсовременных печатных станков. Невооруженным глазом видно – на обучение подрастающего поколения страна денег не жалела.

– Прошу, – Калмыков сделал приглашающий жест. – Проходите, садитесь. Кать! Собери поесть.

Из соседней комнаты высунулась миловидная женщина, заметно моложе на вид, чем хозяин дома. Оценила количество гостей, приветливо улыбнулась и умчалась куда-то. Мартынов кивнул в ее сторону, поинтересовался:

– Жена?

– Да, – ответил Калмыков вроде бы и нейтральным тоном, но видно было, что углубляться в тему он не жаждет. Ну, хозяин – барин.

– Кар-рамба! – раздалось вдруг настолько громко и неожиданно, что все подскочили и заозирались. Хромов даже лапнул кобуру на поясе и отметил, что остальные тоже ухватились за оружие. – Кар-рамба! Кар-рамба!

Попугай был шикарный – здоровенный, разноцветный. Он едва помещался в огромной круглой клетке, стоящей в углу, и смотрел на гостей любопытным круглым глазом. В породах этих птишек Сергей не разбирался совершенно, однако даже его «знаний общего порядка» хватило, чтобы понять – такую красоту в захолустном городишке встретить как-то не ожидаешь. Попугай вновь посмотрел на гостей, наклонил голову и хрипло каркнул:

– Кар-рамба!

– Во напугал, – с заметным усилием выдохнул Игнатьев. – Где такую красоту выкопали?

– Со службы привез, – почему-то смутившись, ответил Калмыков. – Я ведь на флоте служил. Ну а когда, – тут он похлопал себя по ноге, – комиссовали вчистую, взял его с

собой.

— И до каких чинов дослужились? — любопытствовал скорее для приличия, чем по необходимости, Сергей.

— Кондуктор. — Показалось, или прозвучала в голосе хозяйина маленькая пауза? Да нет, все же показалось, нельзя становиться окончательным параноиком. — Крейсер «Кагул».

— У белых, стало быть? — уточнил Мартынов.

— Да, — с каким-то вызовом ответил Калмыков. — Это преступление?

— С какой стати? Просто проверил свою догадку.

— А... как догадались? — во взгляде учителя сквозило неприкрытое любопытство. — Корабль ведь и в царском флоте был.

— Вы замешкались, вспоминая название крейсера. То есть, скорее всего, вначале на ум пришло последнее название корабля. «Генерал Корнилов», кажется?

Вот так, подумал Сергей. Надо все же интуиции больше доверять. Не показалась та пауза, совсем не показалась.

— Да, именно так он потом и назывался. Я служил кондуктором. Перед самым уходом из Крыма попали под обстрел, повредило осколком ногу. Ушли в Тунис, а оттуда, как амнистия вышла, так и вернулся⁷.

⁷ Остатки черноморского флота, находившиеся в распоряжении Врангеля, действительно ушли в порт Бизерта, эвакуировав часть войск и гражданского населения. Достаточно большая группа кораблей, включая один линкор, были интернированы французами, а впоследствии переданы СССР, однако домой не вернулись и были проданы на металлолом. Причины такого решения советского правитель-

Вот так-так. Бывший белогвардеец, живет себе спокойно, ни от кого не скрывается. Учителем работает... Или врут историки либеральные о репрессиях к белогвардейцам, или... очень сильно врут. Конечно, прошлое не афиширует, но и не стыдится его. Оригинально...

– А попугай...

– У лейтенанта одного жил. А там... В Тунисе жара, вода дрянная. В общем, умер лейтенант, заразу какую-то подхватил. Вот когда я домой возвращался, мне птицу и впихнули.

Как раз в это время в комнату буквально ворвались две женщины и парень лет четырнадцати на вид. Женщины начали споро накрывать на стол, мальчишка (хотя какой мальчишка, по меркам этого времени уже вполне себе व्यунош) был на подхвате, таская с кухни немудреную посуду. Одна женщина – жена Калмыкова. Вторая – чуть помладше, на вид лет двадцать максимум, и мордально не похожая ни на кого из хозяев. Перехватив удивленный взгляд, учитель пожал

ства окончательно не установлены до сих пор. Возможно, экономический кризис разрушенной войной страны, общая изношенность кораблей, нюансы внешней и внутренней политики. Экипажи кораблей и другие военнослужащие разъехались по всему миру, причем, к примеру, в Южной Америке добились многого, их потомки там не бедствуют до сих пор. Кое-кто вернулся на родину. Как реально, а не по бумагам, сложилась судьба техники – вопрос открытый. К примеру, орудия главного калибра линкора, в конце концов, оказались в Финляндии, использовались в Великую Отечественную войну против советских войск, а после капитуляции финнов были возвращены СССР и сейчас находятся на консервации. В целом весьма интересный и до конца не изученный пласт истории русской эмиграции, достойный отдельного исследования.

плечами:

– Дочка моего лейтенанта. У нее там никого не осталось, совсем кроха была, взял с собой.

– Довесок к попугаю? – усмехнулся Игнатьев.

– Ну да, – Калмыков совершенно не обиделся. – Так оно, в принципе, и есть.

– Понятно... Но вы с нами о чем-то поговорить хотели?

– Да. Прошу к столу, а там и продолжим...

Разговор под невеликую, всего-то по рюмке, выпивку и простую, но вкусную и сытную еду, сразу перешел на деловые рельсы. Надо сказать, Калмыков вполне здраво рассуждал, что после таких плюх немцы сюда придут обязательно. Мстить будут. А потому хотел посоветоваться с профессионалами, что ему, да и остальным жителям города делать. Учитывая, что представители власти смылись почти сразу после того, как стало ясно реальное положение дел на фронте, учитель превратился едва ли не в последнего мужчину, имеющего хоть какое-то отношение к администрации. Вот и пытался в меру сил разобраться в ситуации и понять, как выкрутиться из проблем.

Что же, Мартынов посоветовал лишь одно: брать в охапку кого только можно и валить отсюда как можно дальше. В леса. Авось не найдут. Просто бежать уже поздно, они далеко в немецком тылу, и фрицы налаживают здесь управление, интегрируя захваченные земли в собственную экономику. Так что или партизанить, или...

– Есть вариант, – негромко сказал Хромов, хотя его, в общем-то, никто не спрашивал. И, когда к нему повернулись, спокойно пояснил: – Если немцы будут знать, что те, кто им нужен, рядом, но не здесь, им будет не до города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.